

Владимир ЧОЛОКЯН

ОЦЕНКА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ

Р о м а н

* * *

Крепкий сон Сергея никто не нарушил. В нем не было больше ни охранника во фраке, ни заискивающей Анны Константиновны. Только тихая, безмолвная тьма. Надрывного звонка телефона, оставленного на кухне, Сергей слышать не мог: дверь в его комнату была предусмотрено закрыта...

И когда он наконец проснулся, впервые за долгие месяцы с ощущением бодрости, первая же посетившая его мысль испортила все удовольствие от пробуждения. Он вскочил с дивана и ринулся на кухню, чувствуя саднящую боль и ломоту во всем теле. Голова за резкие движения тоже не сказала спасибо и опять стала такой тяжелой, как будто весила килограммов сорок.

Три пропущенных вызова от Катерины!

Часы на холодильнике показывали восемь. Сергей задумался, перезвонить ей сейчас или дождаться обеда. Понимая, что с каждым часом о нем думают все хуже, перезвонил.

— Доброе утро, Катерина. Я...

— Здравствуйте, Сергей! Что-то случилось? У нас вчера по расписанию должно было быть занятие.

Голос ее звучал, как обычно, приветливо, в нем не слышалось и намека на упрек.

— Я приболел и не смог позвонить. Извините.

— Что-то серьезное?

Сергей нащупал на левой щеке пластырь и аккуратно отклеил.

— Нет, ничего особенного. Завтра урок обязательно состоится.

— Хорошо. Будем ждать!

Положив трубку, Сергей выдохнул. Как-то сразу отлегло. Он боялся, что Катерина посчитает его халтурщиком и ненадежным человеком. Разве профессионал отменяет урок без причины?

— Как голова? — спросила мать, когда Сергей вышел из душа, мокрый и посвежевший.

— Хороший сон все лечит.

— С перепоею-то не тошнит?

— Я, по-твоему, еще и алкаш? Вино из моего стакана, между прочим, ты выпила!

— Ладно-ладно, я пошутила. Подойди сюда.

Сергей прошел в зал и сел на диван рядом с креслом, где сидела мать.

Она отложила книжку, сняла очки и посмотрела на сына.

— Эти твои друзья действительно хотят помочь?

— Хотят. У них с Бокаровым свои счета, так что в этом смысле мы на одной стороне.

— Хорошо, когда есть на кого положиться...

— Это да. Они, конечно, на своей волне, но у них большой опыт.

Журналистика — дело такое.

— Я не про них.

Глаза на осунувшемся лице матери блестили, как от слез. Но в этом, решил Сергей, виноваты очки. Она явно хотела разговора по душам. В последнее время у нее никак не получалось пробить брешь в стене, которой сын отгородился после того, что случилось в гимназии. Мать была женщина прямолинейная и достаточно косноязычная. Временами Сергею даже бывало за нее неудобно. Раньше он куда охотнее делился с ней своими переживаниями... До встречи с Леной? Непонятно почему, мать связывала отчужденность сына с появлением рядом с ним этой девушки, хотя не это было причиной. Или это?

— Ой, да хватит!

— Лена твоя даже не объявилась. Вот тебе и подруга, а?

Сергею вдруг захотелось рассказать правду о Лене и ее отце, о том, каким вдвойне неприятным было открытие, сделанное им на заводе. Но он сразу же передумал: повествование грозило затянуться надолго, а вязнуть в длинных беседах не было настроения.

— Забудь о ней. — Сергей встал и удалился в свою комнату.

Полноценного разговора не вышло, но матери и этой информации будет достаточно. Забыть о Лене — это она с радостью.

Во входящих сообщениях уже была ссылка на сюжет от Вали.

«Интересно, что они там наворотели?» — подумал Сергей.

Видео длилось пять минут двадцать три секунды. Закадровый голос Ани бодро вещал:

— На территории бывшего завода «Электромеханика» найден подпольный цех фасовки медицинских препаратов. В грязном, плохо отапливаемом помещении руками мигрантов из Средней Азии закатываются в блистеры и помещаются в упаковки знакомые каждому лекарственные средства, которые можно купить в любой аптеке. На кадрах, снятых нашим специальным корреспондентом, видны отвратительные, антисанитарные условия, в которых готовится к продаже контрафактный товар. Есть все основания полагать, что одним из организаторов этого нелегального

производства является известный бизнесмен, почетный гражданин нашего города и кандидат в губернаторы Анатолий Бокаров...

Сергей не стал досматривать. Он увидел, что ссылка ведет на основной канал «Нашей Правды» и видео было залито ночью. Тысяча просмотров, двадцать один комментарий.

«Вот и скинули на проверку!» — с досадой подумал «специальный корреспондент».

С другой стороны, дело сделано, назад ничего не воротишь. Может, и лучше, что сюжет выложили, пока он спал: меньше сомнений и переживаний. Фраза Бокарова о втором предупреждении дополнительных разъяснений не требовала.

Держать все случившееся в себе было тяжело, поэтому звонок Олега и предложение сходить в бар Сергей воспринял с воодушевлением, несмотря на протесты матери. Глянув с грустью на порванный карман своего пальто, он влез в старую зимнюю куртку, которую не носил уже года четыре, неуклюжую, зато теплую. О том, чтобы выглядеть стильно, пока можно было не думать.

У Олега выходные часто выпадали на будние дни. В данном случае это было хорошо: затхлое помещение «Экстренного торможения» оказалось почти пустым. Бармен смотрел новый сезон какого-то корейского сериала; одинокий посетитель, сидевший за столиком в углу зала, скоро свалил, и друзья остались одни. Можно было поговорить, не опасаясь чужих ушей.

— Та-ак... Что на этот раз?

Рожа Сергея хоть и стала выглядеть лучше, явно вызывала вопросы.

— Проще показать.

Интернет в подвале не работал. Что говорить — даже обычная GSM-сеть пробивалась сквозь толстые вековые стены с трудом.

— Вот, смотри.

Сергей открыл вместо видеосюжета собственную запись. А в роли комментатора выступил сам, не слишком охотно и спотыкаясь на каждом слове.

— Почему ты мне об этом не сказал? — спросил Олег.

— И что бы ты ответил? «Не вздумай туда лезть, дурак»?

— Я и сейчас это скажу. Мало того, что ты узнал про эту лабораторию, так еще и забрался туда!

Сергей заблокировал телефон и убрал в карман джинсов. Друзья решили обойтись без пива и взяли по чашке один кофе, другой — чая. Сергей все еще чувствовал некоторую слабость и спиртного не хотел. Олег на днях обмывал повышение коллеги до должности начальника отдела и пить не мог.

— А что я должен был делать?

— Позвонил бы мне. Мы бы туда группу снарядили. Самоуправством в таких делах заниматься нельзя, это не тетрадки в школе проверять. Тут замешаны серьезные деньги, — Олег отпил чаю, — и политика.

— Ага, можно подумать, ваше ведомство дало бы этому делу ход!

Олег хотел возразить, однако не нашел аргументов.

На единственном экране бара группа корейских подростков бежала по болоту, светила перед собой фонариками и спорила о чем-то на родном языке. Снизу, запаздывая на доли секунды, появлялись субтитры.

— Во всяком случае, это задача не для учителя.

— Когда я понял, что нашел лабораторию, — сразу побежал снимать. Сам не знаю, что за волна меня подхватила... азарт, что ли? Надеялся собрать материал, который окажется хорошей такой палкой в колесах бокаровской предвыборной машины!

— Ясно. А отrixтовала тебя его охрана?

Сергей пригубил кофе, сморщился и тут же чуть не выплюнул его обратно.

— Черт их разберет, кто они... Трое за мной погнались от лаборатории, но я успел спрятаться, и они меня потеряли на время. Потом, уже на выезде, мы чуть не врезались в машину Бокарова, и тут эти, сзади, догнали. Ну завязалась потасовка...

Не сдержавшись, Олег засмеялся.

— С таким везением, братан, я бы поостерегся бросаться в авантюры. Там что, с завода только один выезд?

Сергей не ответил. Иногда проще промолчать, чем объяснять детали. Он и без того понимал, что ситуация странная. Может, их новая встреча с Бокаровым действительно совпадение, но, если разобраться, все равно ничего хорошего.

— Он сказал, что это мне второе предупреждение. Вали, мол, из города.

— А ты вместо этого со своими журналистами сюжет выпустил?

Сергей кивнул и через силу сделал еще пару глотков из чашки. Странно было бы получить в пивном баре нормальный кофе, но этот оказался просто рекордно плохим: невыносимо горький, оставляющий черный налет на чашке, словно вместо молотых зерен варили угольную крошку. Сергей сильно пожалел, что не взял чай.

— Знаешь, я бы на твоём месте последовал совету папика, — сказал Олег. — Уезжай куда-нибудь, пока еще можно.

— Издеваешься? Куда я уеду? В деревню?

— Да хоть бы и в деревню. Посидишь там тихо, пока все не устаканится. После выборов вернешься.

Решив себя больше не мучить, Сергей отодвинул кофе.

— Разве это не наоборот работает? Перед выборами он будет больше печься о своей репутации и вести себя осторожнее...

— Серега! Этому человеку репутация без разницы. Он в своей победе уверен. Тем более там, наверху, всё уже решили. А для тебя отъезд — мера безопасности. Не только твоей. Подумай о матери, о Лене...

— К черту Лену.

— Что это вдруг?

Сергей тяжело вздохнул.

— Ее отец служит водителем у Бокарова.

— Погоди... Чё?! — Олега обычно было сложно удивить, но тут даже он не ожидал подобного.

— И он видел, как меня били охранники. И... просто стоял и смотрел.

— А ты раньше не знал, где он работает?

— Нет. Больно мне это надо было. Ну возит кого-то, и ладно...

Олег взял свою чашку двумя руками и сделал глоток.

— Хорошенький поворот, конечно! А Лена что?

Только теперь Сергей начал понимать, что их отношения с Леной были еще более поверхностными, чем ему казалось. Их общение в основном сводилось к бессмысленной болтовне, и он не знал ничего не только о ее родителях, но и, в сущности, о ней самой. Похоже, мать была права.

— Лена... Ей отец по мозгам неплохо проехался.

— Вот ведь бывают совпадения... В любом случае, братан, поверь моему опыту: ты влип в крайне опасное дело. Ходишь по краю. Тем более... — Олег посмотрел прямо в поцарапанное лицо друга. — Тобой ведь уже давно не педагогические амбиции движут. Ты попросту мстишь. Бокаров тебя унизил, да. Но не лучше ли остановиться и перетерпеть? Весовые категории-то разные...

— Это ты мне как сотрудник полиции говоришь? — зло выпалил Сергей.

— Как друг я тебе говорю. Чего ты хочешь добиться? Какой именно победы? Как ты ее себе представляешь?

— Я теперь не могу ни в одну обычную школу города устроиться, не то что в гимназию! Эта министерская блокировка не оставляет мне выбора. Я должен использовать любые доступные мне методы. Если понадобится — идти ва-банк. А иначе что остается? Сидеть тихо и перебиваться репетиторством?

— Разве это плохой вариант? По-моему, наоборот, хорошая альтернатива. График свободный, еще и денег наверняка больше заработаешь.

Сергей закрыл лицо руками.

— Есть в мире справедливость, в конце-то концов?

Допив чай большим глотком, Олег посмотрел на друга:

— Нет.

Позицию Олега Сергей и так знал. Когда человек связан с государственными структурами, сложно ждать от него поддержки авантюр без ясного исхода. Однако в главном друг был прав: о безопасности стоило подумать всерьез. Бокаров смог сделать так, чтобы документы Сергея заблокировали в министерстве, чтобы его мать-пенсионерку уволили из библиотеки. Кто знает, на какие еще пакости способен этот «папик»?

Олег вызвался подбросить Сергея до дома, и это было очень кстати: на улице ощутимо похолодало, а при долгом хождении все еще ломило ноги и тянуло поясницу. Еще не наступил час пик, и по полупустым дорогам друзья добрались к подъезду Сергея за считанные минуты. Серая Audi 100 в попытке развернуться в узком дворе преградила им путь,

но быстро ретировалась, оставив после себя черную завесу едкого выхлопа, которая в морозном воздухе долго не рассеивалась.

— Смотри, как арки проржавели. Ну и гнилуха! А ведь ездит еще, — заметил Олег.

Поблагодарив друга, Сергей вошел в подъезд и ткнул кнопку вызова лифта. Судя по звуку, тот ехал с самого верха. Пованивало алкашами, но, видимо, запах не выветрился с прошлого раза: лестничная площадка была пустой. Может, подействовала отправка в «обезьянник»? Хотя пьяницы — люди предприимчивые, всегда найдут лазейку, если приспичит...

— Сереж, тут твои друзья из гимназии приходили. Ты их не встретил по пути?

— Кто?

Мать вытерла о фартук мокрые руки, проследовала в зал и вышла оттуда с конвертом. Сергей снял тяжелую куртку, от которой болели плечи, разулся и пнул ботинки в сторону.

«Какие еще, к черту, друзья?» — подумал он.

— Передали какие-то документы. Сказали, ты их в бухгалтерии забыл.

Схватив конверт, Сергей заперся в своей комнате. Он сел за письменный стол, включил лампу и разглядывал конверт на свет, пытаясь понять, что внутри. Бумага оказалась плотной, ничего не различить. Сергей разрезал конверт и вытряхнул содержимое — по столу разлетелось несколько цветных фотоснимков.

— Ах вы, суки...

На кадрах были зафиксированы все его недавние перемещения: квартира бабки оператора на окраине города, дом Катерины в коттеджном поселке, затаскивание дивана в подъезд к Олегу. Даже мать, выходящая из магазина «Ландыш». Все это время за ним вели круглосуточную слежку, а он, наивный дурак, этого даже не заметил. Хотя как заметишь то, к чему не готов? Мало ли машин ездит вокруг, мало ли людей болтаются без дела по улицам.

Сергей вдруг дернулся на стуле, словно его ударило током. Нет, страхом это назвать было никак нельзя. После съемки подпольного цеха и беготни по заводским подворотням какие-то фотографии вряд ли могли всерьез его испугать. Но если за ним следили, это кардинально меняло ситуацию. Бокаров знал о нем все, а Сергей о Бокарове — ничего. Он почувствовал, что загнан в ловушку. Что родной дом, четыре стены комнаты, где он вырос, больше не являются безопасным местом.

«А если они еще и читают переписку?» — мелькнуло в голове.

Вспомнив, что в мессенджере есть функция защищенного звонка, Сергей набрал Валин номер. Трубку долго не поднимали, но потом ответили. Там, где Валя сейчас была, что-то назойливо шумело, и слышно было отвратительно.

— За мной следят.

— Чё?

— И за вами, наверное, тоже.

— Я не слыш...

Сбросив вызов, Сергей отложил телефон в сторону. Он аккуратно, в ряд, разложил фотографии из конверта и сделал общий снимок. Сразу же отправил в личные сообщения Вале. Не прошло и тридцати секунд, как она перезвонила по обычному номеру.

— Это очень хреновая новость.

Связь теперь работала прекрасно, без посторонних шумов. Наверняка тем, для кого этот разговор не предназначался, было слышно каждое слово.

— Что делать?

— Не знаю. Пока из дома не высовывайся.

Он и не собирался. Куда идти? Тем более все его маршруты были как на ладони.

Следующим Сергей проинформировал Олега.

— Скажи Нине Андреевне, чтобы собирала вещи, — тут же отреагировал тот.

— В деревню? Да она меня не слушает.

— Меня слушает. Скоро буду.

Все пренеприятнейшим образом ускорилось. Каждое действие теперь было ходом в шахматной партии. Необходимо было заранее продумывать шаги, чтобы тебе внезапно не поставили мат. Ведь это письмо почему-то прислали именно сейчас. Значит, у Бокарова и его подручных заготовлен какой-то козырь в рукаве, ответный удар. Интересно, дело только в публикации видеозаписи из подвала? Или случилось что-то еще, о чем Сергей пока не знает?

Беда в том, что он умел играть только в шашки. А шахматную партию по правилам шашек не выиграть.

— Ма, тут такое дело... Тебе надо в деревню на время уехать.

— В смысле?

Мать готовила к отправке в духовку яблочный пирог. Она посмотрела на сына непонимающе, словно он требовал от нее какой-то ерунды.

— Это не друзья из гимназии приходили.

— То есть как это? — Она отошла от плиты и села на стул. — Такие ребята милые...

Сергей почесал лоб.

— Собирайся. Это для твоей же безопасности. За нами следят.

— Это тебе журналисты твои сказали? Что за бред!

Несерьезность, с которой мать восприняла новость, разозлила Сергея.

Что бы он ни сказал, любая самая важная информация в ее глазах всегда выглядит как шутка. Сыночек просто фантазер и преувеличивает. Ах, если бы!

Пирог скрылся в духовке. Сергей с радостью отправился бы следом, потому что убеждать мать не было никаких сил. Для нее неочевидна даже прямая связь между его избиением на заводе и сегодняшним письмом. Тогда Сергей сходил в комнату, собрал в охапку фотографии, вернулся

и разложил их веером на кухонном столе, прямо поверх разводов муки, яблочных ошметков и прочего мусора.

— Тут что, я? — спросила мать, показав на собственное изображение возле супермаркета.

Это немного ее отрезвило.

Через некоторое время приехал Олег.

— Нина Андреевна, это не шутка. Вам лучше какое-то время пожить в деревне.

— А работа как же? Я только устроилась. Меня второй раз не возьмут!

— Скажите, что заболели. Дольше недели это не продлится.

— Ох, хорошо... Поговорю потом с Машкой. Выпишет больничный.

Машкой звали соседку, которая работала в городской поликлинике.

Именно она когда-то делала Сергею справки для военкомата.

Слова Олега были для матери куда более веским аргументом, чем любые объяснения родного сына. Конечно, ведь это человек из полиции. Он точно знает, как правильно.

Впопыхах собрав две сумки вещей, мать потянулась за телефоном, чтобы позвонить тете Оле.

— Не надо. Пусть это будет сюрприз, — остановил ее Сергей.

— Звоните, — махнул рукой Олег. — Если вас прослушивают, то давно. Это ничего не изменит.

В итоге родственники в деревне Кучмазово были предупреждены.

Стоило открыть дверцу духовки, как комнату заполнил мощный аромат печеных яблок. Противень мигом очутился на столе. Мать быстро нарезала большой пирог на равные части.

— Я только из дома, поел, — попробовал отбиться Олег.

— Ну вот что! Работа у тебя нервная, есть надо много.

Ради приличия он взял кусок пирога и положил на тарелку.

— А ты чего сидишь? — Мать повернулась к Сергею. — Пока не съедим, я не поеду!

— Заверни деревенским. Вадик будет рад. Мы целый противень сейчас точно не осилим.

После конверта с фотографиями у Сергея не было никакого желания прикасаться к еде, но с матерью на эту тему спорить было бесполезно. Пришлось через силу затолкать в себя кусок, горячий и влажный, обжигающий небо. Яблок в пироге было очень много, еще и порезанных толстыми ломтями, а боковины получились мощными, как крепостные стены. Чтобы точно ничего не вытекло.

Несмотря на простенький, домашний вид, у пирога было одно неоспоримое достоинство: он был по-настоящему вкусный. Стряпня Катерины, хоть и выглядела как на глянцевой картинке в кулинарном журнале, по вкусу тоже напоминала скорее бумагу.

Уже в коридоре, с сумками, мать велела «присесть на дорожку». Сергея эта примета раздражала до крайности, он в ней не видел ничего, кроме малодушия и какого-то языческого преклонения перед слепым

случае. До деревни было шестьдесят километров, и при хорошем раскладе ехать туда предстояло не дольше полутора часов. В каком-нибудь ином мегаполисе она считалась бы пригородом. Но Сергей, естественно, ничего не сказал, молча сел на обувную полку и уставился в стену.

Тут мать заплакала.

— Ты чего? — спросил Сергей.

— Не нравится мне все это!

Он обнял ее и принялся успокаивать. Олег, почувствовав себя лишним, вышел на лестницу. Сергею вдруг тоже стало некомфортно, словно он вновь очутился в детстве. К горлу подкатил ком. Для него, совершенно домашнего ребенка, любые отъезды сопровождались невероятным стрессом. Если другие дети зачеркивали на календаре дни в ожидании летней лагерной смены и вспоминали потом о ней как о лучших моментах жизни, то Сергей воспринимал такие поездки как каторгу, принудительную ссылку за несуществующую провинность.

Мать это прекрасно понимала и специально отправляла сына в летние лагеря, чтобы он учился быть сильным и этот страх переборол. «Тяжело же тебе будет в жизни», — говорила она всякий раз, когда Сергей накануне отъезда впадал в ступор.

Причем в самом лагере он прекрасно уживался с окружающими. В компании сверстников, вдали от родительского контроля и при естественном попустительстве вожатых, всегда случалось что-нибудь интересное. Но мысль о необходимости перешагнуть наружу порог родного дома, услышать за спиной стук закрывшейся двери приводила юного Сергея в ужас. Мать не провожала его до автобуса. Она обнимала сына на прощание в прихожей, и он быстро убегал по лестнице, отчаянно борясь с желанием вернуться.

Теперь все было наоборот. Те же люди, тот же коридор, только они с матерью поменялись ролями. И приключения впереди могли ждать отнюдь не веселые.

* * *

Железная дверь в квартиру громко захлопнулась. Зазвенели ключи. Сергей спрятал их во внутренний карман куртки. Олег все это время стоял у окна на лестнице и глядел во двор.

— Все спокойно? — спросил Сергей.

— Вроде бы.

Сумки были довольно легкими. Второпях мать наверняка что-то забыла, но это не важно. Главное — ей быть отсюда подальше. Погрузив все в багажник «калины», Сергей сел на переднее сиденье, оставив в распоряжении матери весь задний «диван». Олег осмотрелся, словно ожидал подметить что-то подозрительное в соседских машинах, завел двигатель и медленно покотился по двору.

Время для выезда из города оказалось самым неудачным: движение на главных улицах увязло в заторах, автовладельцы, возвращавшиеся с

работы, валили безумным потоком из центра по своим углам, в районы растущих на глазах многоэтажек, унылых, несмотря на цветные фасады. Мост, соединяющий левый и правый берега, был до отказа забит машинами и походил скорее на парковку, чем на оживленную транспортную артерию. «Калина» Олега направлялась в сторону, противоположную основному потоку, но до кольцевой дороги отдельного, свободного от трафика пути просто не существовало.

Словно глядя кошку против шерсти, «калина» прорывалась через плотный затор из десятков машин, где почти в каждом окне рисовалась кислая, усталая рожа. Озлобленные водители сигналили, подрезали, моргали фарами — словом, всеми доступными способами проявляли свое крайнее недовольство жизнью. Сергею стало неудобно, что Олегу пришлось в выходной заниматься их с матерью делами и везти их в деревню. Пускай это и была его собственная инициатива.

Вырвавшись из городской толчи на кольцевую, «калина» ускорила и уверенно понеслась вперед. Небо затянули тучи, и вечерние окрестности исчезли, превратившись в редкие размытые огни вдоль обочин ярко освещенной многополосной дороги. До съезда на региональную трассу было еще далеко, поэтому можно было прибавить ходу и немного отыграть упущенное в пробках время.

— Не нравится мне эта машина, — вдруг произнес Олег.

— Какая?

Сергей посмотрел в зеркало и увидел, что на расстоянии в несколько корпусов за ними следует серая Audi 100.

— Мы ее около подъезда сегодня видели.

— Кажется, не только, — ответил Сергей, вспоминая улицу коттеджного поселка.

— За нами что, погоня? — спросила мать, оглянувшись на чуть подернутое инеем заднее стекло.

— Они даже не скрываются. Сейчас я приторможу, а вы попробуйте номер увидеть.

«Калина» начала плавно замедляться. Audi тоже сбавила скорость. По левой полосе прогремел огромный четырехосный самосвал, раскидывая из-под колес в разные стороны песок и грязь, и запачкал лобовое стекло «калины». Олег включил дворники. Он хотел повернуть маневр с притормаживанием ненавязчиво, но препятствий на пути не наблюдалось, поэтому любому было понятно, что «калина» тормозит нарочно. Она ехала куда медленнее, чем остальной поток.

— Вэ, — начал диктовать номер Сергей, взглядывая в зеркало, — шесть, восемь...

Audi перестроилась на первую полосу и стала ускоряться.

— Нет — шесть, три... Ма, запоминай!

— Вэ, шесть, три, — повторила мать.

Она тоже стала рассматривать преследующую их машину.

Олег придавил педаль тормоза. «Калина» сблизилась с целью. Сергей, повернув голову, смотрел на номерной знак. Фары Audi светили

желтым, причем левая — ярко, а правая — тускло и не на дорогу, а на обочину. Машина была вся в грязи, и ничего толком разглядеть не получалось. Кроме того, что ехали в ней как минимум двое.

— Пять, о...

— Вэ, шесть, три, пять, о...

Фонарные столбы ритмично освещали дорогу: раз... раз... раз... Сергей всматривался в лобовое стекло Audi, при каждой вспышке света пытаясь разглядеть лицо водителя. Но ничего не получалось. Сзади нервно посигналили и моргнули дальним. Олег метнулся в правую полосу и оказался буквально в нескольких метрах перед Audi, едва ее не подрезав. Слева пролетела белая иномарка — и скоро стала еле различимым красным огоньком далеко впереди.

— Вэ, шесть, три, пять, о, хэ, пять, восемь, — отчеканила мать.

— Точно? — переспросил Сергей.

— Да.

«Калина» вернулась на свою полосу и рванула вперед. Олег раскручивал двигатель до упора. Рычаг коробки передач противно задребезжал. Машина нагнала идущий впереди кроссовер и обошла его, стараясь оторваться от Audi.

— Пятьдесят восемь — это чей такой регион? — поинтересовалась мать.

— Не знаю, — пожал плечами Олег.

Первое время Audi старалась держать темп, но преклонный возраст автомобиля давал о себе знать, и «калина», шныряя из ряда в ряд, ушла вперед на солидную дистанцию. Справа промелькнул знак, указывающий место поворота. Из навигатора послышалось: «Через триста метров поверните налево». «Калина» плавно последовала указаниям.

— Щас я своим маякну. — Олег достал телефон и позвонил.

Он продиктовал номер Audi и попросил пробить его по базе госавтоинспекции.

— Хотя бы будем знать, с кем имеем дело.

За пределами кольца дорога превратилась в двухполосную и неосвещенную. Редкие встречные машины светили дальним светом, и приходилось им моргать, чтобы перестали слепить. Это не очень помогало. Фары «калины» позволяли видеть вперед метров на тридцать. Что было вокруг, оставалось загадкой. Качество асфальта тоже ухудшалось по мере удаления от города. Передняя панель машины начала противно скрипеть, из багажника донеслись глухие удары.

— Задняя стойка потекла. Все никак не поменяю, — объяснил Олег.

По пути встречалось много населенных пунктов. Дорога была проложена прямо через них. Знаки недвусмысленно требовали, чтобы водитель сбавил скорость. Но зимой и так не разгонишься — только полный кретин станет лихачить на таких переметах.

В салоне образовалась нервная тишина. Каждый ехал, погруженный в свои мысли. По радио играла музыка. Она то и дело прерывалась, и начинались помехи, поэтому Олег убавил громкость почти до минимума.

Зазвонил телефон.

— Да? Хм, этого стоило ожидать.

— Что? — спросил друга Сергей.

— Номер от давно утилизированной машины.

Информация эта хорошему настроению не способствовала.

Сергей прекрасно помнил дорогу до Кучмазова, но в темноте все выглядело совсем незнакомо. Даже когда «калина» наконец пересекла границу деревни и справа по ходу движения нарисовалась местная архитектурная доминанта — старый заброшенный храм, — внезапно проступивший из тьмы неоготический силуэт удивил Сергея. Это здание с детства пугало его и завораживало. Было в этом нетипичном для региона католическом здании что-то фантастическое, словно сошедшее со страниц средневековых европейских саг божество поселилось в этом краю полей и обмельчавшей речки Бурынки, рядом с разрушенными стенами совхозных свинарников.

Единственная улица деревни Кучмазово соединяла две другие местные достопримечательности: памятник Ленину и стелу героям войны. На километровом участке между ними уместились все важные для жизни объекты: почтамт, продуктовый магазин «Эльмира», возле которого только и горел фонарь, двухэтажное, еще дореволюционное здание школы и остов больницы, разобранной предприимчивыми жителями буквально по кирпичу.

Олег пару раз тут бывал, но, естественно, не мог помнить, какой именно неосвещенный и заваленный снегом поворот им нужен. Несмотря на то, что время еще было не позднее, деревня словно вымерла. Как и сотни лет назад, ритм жизни ее обитателей зависел от светового дня, поэтому под сумерки все забивались в свои дома и куковали в них до рассвета.

— Там, за трансформатором сразу, — махнула рукой мать.

Родовое гнездо семьи Сергея и новый дом, в котором жила тетя Оля с мужем и сыном Вадиком, находились друг против друга в тупиковом ответвлении под названием Садовый проезд. Проездом оно, видимо, было на заре строительства деревни, потому что, сколько Сергей себя помнил, короткую улочку в конце перегораживало широкое болото. Со словом «садовый» было проще: до сих пор вдоль участков росли одичавшие яблони, остатки когда-то огромного сада, принадлежавшего дореволюционным владельцам деревни — помещикам Барышевым. Массивный фундамент их усадьбы можно было найти на холме за полем.

«Калина» осветила синий деревянный забор и остановилась. В доме, принадлежавшем матери и Сергею, горел свет. Тетя Оля, конечно, уже хозяйничала внутри, поскольку ключи всегда оставляли ей.

— О-ой, привет, сестричка! — Мать бросилась обниматься.

Олег с Сергеем стояли с сумками в сенях.

Одноэтажный деревянный дом с двумя комнатами, кухней и длинными застекленными сенями выглядел крепким и внутри за последние лет сорок особо не поменялся. Из благ цивилизации в нем были электричество

и газовое отопление. При этом старую печь никто разбирать и не пытался. Она так и стояла в первой, проходной комнате, занимая пятую часть ее площади. Аргументировали это тем, что печь была чуть ли не несущим элементом всего дома и демонтаж чреват катастрофическими последствиями. Да и, честно говоря, заниматься этим оказалось некому. Когда разговоры о демонтаже шли всерьез, Сергей был еще ребенком, а его дед идею не поддержал и стоял за печь горой. Теперь же у выросшего внука не было на реконструкции ни времени, ни желания.

— Что у вас случилось?

Тетя Оля, будучи родной сестрой матери, выглядела совсем непохоже: низенькая, толстая, с большой вытянутой головой, вечно удивленным лицом и пухлыми щеками. Ее подбородок плавно перетекал в шею, как у жабы, что в детстве пугало Сергея. Годы не сделали тетю Олю краше, но она сохраняла невероятную для своих габаритов подвижность и живость.

— Сложно объяснить... — начал Сергей.

Мать его перебила:

— Он в гимназии повздорил с каким-то бизнесменом, который в выборах участвует, и тот теперь не дает нам жить спокойно!

— Это с кем, с Бочаровым, что ли? — спросил дядя Петя, муж тети Оли.

Он вышел из дальней комнаты, держа в руках гаечный ключ. Худощавый, но крепкий мужик ростом под метр девяносто, почти как Олег, и с совершенно бесстрастным, как у манекена, лицом. Разве что у манекена нет седых волос и морщин. Все в нем было ладным и правильным, как по лекалу. Сергея всегда удивляло, как такой человек выбрал себе в спутницы тетю Олю и как она умудрилась его удержать.

— С Бокаровым, — поправил его Сергей.

— Как же так? Мужик он вроде хороший, толковые вещи говорит...

Сергей невольно поморщился. Царапины от побоев снова зашипало.

— Кто это тебя разрисовал? — спросила тетя Оля.

Сергей проигнорировал вопрос и тут же постарался сменить тему:

— А Вадик где?

— Дома сидит, у телевизора. Передача там про инопланетян. За уши его не оттащишь.

Не сказать, чтобы Сергей расстроился. Язык у Вадика был без костей, а слушать его подростковую чушь не было ни времени, ни сил.

— Так кто?.. — повторила вопрос тетя Оля.

— На льду поскользнулся и упал.

Дядя Петя недоверчиво покосился на Сергея, явно восприняв его слова скептически. Но допрашивать не стал. Не хочет говорить — значит, так надо.

— Короче, в той комнате, Нин, батарея еле греет, — сказал он, повернувшись к матери. — Я покрутил, но без толку. Дом за зиму выстыл. За пару дней бы сказала, что приедешь, я бы, может, покумекал...

— Ой, Петь, ладно тебе! Не замерзну уж, — ответила мать.

— Давайте печь затопим, — предложила тетя Оля. — Ребята, оставайтесь до утра! Места всем хватит.

- Мне на работу завтра, — открестился Олег.
- У нас, кстати, Сереж, в школу учитель требуется. Хочешь?
- Ага, щас, — буркнул Сергей.
- Все равно без работы сидишь. А тут природа, да и не достанет

никто.

«Кому надо, тот из-под земли достанет», — подумал Сергей, а вслух сказал:

- Нам бы к ночи до города добраться, так что мы поехали.

На улице поднялся ветер, и с темного неба повалила мелкая белая пыль. Необходимо было выбраться на трассу до того, как разойдется пурга и деревенские дороги превратятся в направления.

«Калину» уже успело присыпать. Олег достал щетку и принялся смахивать со стекол снег.

В сенях мать взяла сына за руку:

- Мне тоже кажется, что тебе лучше тут остаться.

Сергей покачал головой:

- Сидя здесь, я журналистам не помогу.
- Себе помоги! Тут тебя никто не тронет. У Пети вон ружье есть охотничье...

Глухо засмеявшись, Сергей обнял мать.

- И что, он по людям будет стрелять?
- Зачем по людям? По депутатам, — выдал шутку стоявший поодаль дядя Петя.

Мать перешла на шепот:

- Пообещай мне, что ничего плохого не случится!
- Не случится. Я же не один.
- Нет, ты пообещай! — прошипела она.

Как будто это зависело от одного Сергея.

- Обещаю. — Ответ прозвучал неуверенно.

Свет фар «калины» скользнул в открытую дверь и озарил стену желтым. Деревянная рама в сенях отбросила на лицо матери крестообразную тень.

— Если что-то поменяется — сразу звони. Готовь еду, не ленись. И тепло одевайся, а то знаю я тебя!

- Ма, ну я маленький, что ли! — фыркнул Сергей.
- Для меня ты всегда будешь маленьким.

Она поцеловала сына в подбородок, потому что выше дотянуться не смогла, а он нагнуться не додумался. Сергей растерялся. Мать давно его не целовала: не было причины. Обычно эта ласка сопровождала какое-нибудь важное событие — вроде устройства на работу в гимназию.

— Нина, не стой на сквозняке! — окликнула тетя Оля. — Простудишься.

Сергей вышел на крыльцо. Дверь вырвало из рук ветром, и она громко хлопнула. Уже посвистывала вьюга. Олег грелся в машине. Стекла неплохо было бы снова почистить.

- Дай щетку.

— Садись, хватит. Пора ехать.

В окне кухни виднелись три силуэта: матери, тети Оли и дяди Пети. Из кирпичной трубы еле заметно струился дым. «Калина» вырулила из тупика и поехала в сторону памятника Ленину.

Обратный путь занял, как показалось Сергею, гораздо больше времени. Друзья то и дело упирались в хвост очередного тихохода. Какой-нибудь старый камаз, еле волочась и гремя ржавым бортом на все окрестности, собирал за собой целую вереницу машин. В условиях ограниченной видимости обгон был сродни безумству, поэтому большинство водителей терпело дискомфорт, пока виновник затора не сворачивал в сторону или не появлялась дополнительная полоса.

Говорить было не о чем, и Сергей молча смотрел вперед, в лобовое стекло, на быстро летящий навстречу рой снежинок. В темноте трассы, когда не попадалось встречных машин, выглядело это как межзвездный полет в научно-фантастическом фильме.

Наконец «калина» въехала в город. Друзьям предстояло пересечь его весь, чтобы добраться до своего района. К счастью, дороги опустели и сделать это можно было сравнительно быстро. Олег решил сократить путь и проехать через центр, к тому же подъем в гору там был более плавным. Как будто нарочно, он свернул к гимназии и проследовал мимо нее по улице. Сергей разглядывал монументальное историческое здание за кованой оградой и рядом вековых елей. Свет горел лишь в паре окон первого этажа, где размещалась охрана. В кабинетах с дубовыми дверями и высокими потолками в это время уже никого не было.

Сергей понял, что смотрит на гимназию как-то отстраненно, будто это не место, где он всегда мечтал работать, а просто очередное здание, проступившее в снежной завесе. Даже если сейчас из ворот выбежит Алия Саитовна, кинется ему в ноги и попросит вернуться, он вряд ли согласится на это заманчивое предложение. В одну реку дважды войти нельзя... Но тогда зачем он продолжает рисковать?

Спуститься из центра оказалось намного сложнее. Олег даже пожалел, что поехал этой дорогой: сэкономленные полчаса того не стоили. На трассе друзья опередили снежную тучу и ненадолго оторвались от нее, но в городе вновь попали в самую гущу бурана. Олегу пришлось включить вторую передачу и медленно катить под гору, боясь лишний раз нажимать на тормоз: смена скорости могла спровоцировать занос.

Оказавшись наконец у своего подъезда, Сергей поблагодарил друга за помощь и выбрался наружу. С неба, желтого от городского освещения, падали крупные снежные хлопья. Путь даже в десять метров оказался неприятным. Тротуар был заметен по щиколотку. Едва натопанная дорожка к двери свидетельствовала о том, что желание куда-то выйти в такую погоду посетило очень немногих соседей.

Оказавшись в квартире, Сергей разулся, скинул куртку на комод, прошел в свою комнату, сел в компьютерное кресло и рассеянно покрутился, ни на чем не фокусируясь взглядом. Ему не хотелось ничего делать и ни о чем думать. В душу вместе со снегом надуло сомнения, едва

наметившийся выход скрылся под холодным белым ковром, а уже совершенные действия теперь казались необдуманными и выморочными.

Если бы он проигнорировал выпады Бокарова в свою сторону — или, на худой конец, не стал обострять конфликт в учительской, — жизнь его осталась бы прежней. С уроками в гимназии, с посиделками в кафе с Леной. С матерью, работающей в библиотеке в свое удовольствие. Да, не случилось бы встречи с журналистами, но такое ли это хорошее знакомство, если поразмыслить? Ведь это Валя придумала проникнуть на завод в поисках мифической лаборатории. Не такой уж мифической, как оказалось, но Сергею от этого было нисколько не легче, скорее даже наоборот.

Он выключил свет, лег на диван и наблюдал в широком окне все набирающий силу снегопад. Февраль, казалось, решил ясно продемонстрировать городу, что является зимним месяцем. В комнате было душно. Неплохо бы приоткрыть форточку, чтобы проветрить... Но двигаться не хотелось совершенно. Сергей не заметил, как задремал.

Даже когда из коридора послышался звонок телефона, он сначала принял его за игры за стенкой соседского ребенка, который включал на планшете на полную громкость дурацкие детские передачи. Аппарат надрывался несколько минут, прежде чем Сергей очнулся, вскочил, пошел в коридор и, достав телефон из кармана куртки, ответил:

— Да?

— Открой ссылку, я тебе в сообщениях прислала, — приказала Валя. Голос ее звучал бодро, даже радостно.

— М-м... у меня компьютер выключен.

— Ты спишь, что ли? Время-то!

Сергей посмотрел на экран телефона: полдевятого вечера.

— Не сплю. Это важно?

— Я тебе три раза подряд набирала. Думаешь, ради ерунды?

Свернув окно с разговором, Сергей вошел в мессенджер и открыл присланную ему ссылку. Мобильная версия сайта грузилась дольше обычного.

— Ну? — спросила Валя, видимо, подумав, что связь прервалась.

Сергею не был знаком этот сайт. Заголовок статьи звучал так: «Кандидат в губернаторы против учителя английского. Кто кого?»

— Что это?

— Один из трех главных новостных порталов страны. Ну из тех, кто может позволить себе писать честные статьи, без оглядки на конъюнктуру и пожелания из высоких кабинетов. На основе двух наших репортажей они сделали целую полосу. Видишь, здесь твоя история полностью, от начала до конца.

Последнее слово Сергею не понравилось.

— И?

— Нет, ну ты странный человек! Это ведь и есть та реакция, которой мы добивались! Освещение проблемы, выход ее на более высокий уровень... В данном случае — на всю страну. Теперь Бокарову просто так не отвертеться!

— Он все опровергнет и скажет, что это клевета.

— Пускай скажет. Мы сделали главное. Теперь об учителе, которого избил будущий губернатор, знают тысячи людей за пределами города. Больше всего эти горе-депутаты и теневые магнаты боятся огласки, шумихи. Потому что деньги любят тишину. Особенно ворованные и полученные за счет реализации нелегальных активов. Спорим, в лабораторию нагрянет проверка?

Спорить Сергей не желал. Ему вообще пока было непонятно, что все это означает. Ну опубликовала крупная газета статью о нем — дальше что? Бокаров извинится, велит министерству снять для Сергея запрет на работу и отправится на своем черном внедорожнике Lexus в полицию с повинной?

— Валя, за мной и моей матерью следят. Ездят по пятам, фотографируют каждый шаг. Об этом ведь тысячи людей не знают, верно?

В телефонной трубке послышался протяжный вздох.

— Ты меня совсем слушать не хочешь. После такой крупной публикации Бокаров не будет действовать как раньше. В его же интересах эту проблему разрулить и как-то заглуш... чт... о ней заб...

Валин голос начал «квакать», и Сергей не мог разобрать ни единого слова.

— Связь пропала. Повтори.

— На каком моменте? — спохватилась Валя и продолжила: — Ладно, давай на пальцах объясню. Мы победили, нас никто не тронет, и скоро ты вернешься в свою гимназию. Если, конечно, захочешь.

Слова журналистки звучали убедительно, Сергей даже на мгновение поддался ее радостному настроению.

— Снова приедете ко мне праздновать?

— Размечтался! В такую погоду даже черти не летают. Можешь сам приехать завтра. Мы все будем у Игоря на хате, как обычно.

— У кого? — переспросил Сергей.

— Тебе, похоже, и правда голову отбили. У Игоря, оператора.

Смешно, но Сергей до сих пор понятия не имел, как того зовут. Вроде как за все непродолжительное время знакомства оператор ни разу не представился, а остальные обращались к нему лишь местоимениями.

— Хорошо. Посмотрю по погоде.

— До завтра дороги расчищают. Ладно, давай, не вешай нос!

Положив трубку, Сергей дошел до компьютера, включил его, дождался загрузки и прочитал статью на нормальном экране, с правильным форматированием. Она была не особо конкретной и в основном строилась на материалах Вали. Единственные источники цитирования — газета «ЖБГ» и канал «Наша Правда». По периметру сайта болтались всплывающие окна с рекламой, и Сергей даже усомнился, что это уважаемый информационный портал, а не какая-то бульварная шелуха.

Словам Вали хотелось верить, поскольку звучали они обнадеживающе. Может, это и есть победа? В тот момент, когда Сергей потерял всякую надежду на успешный исход дела, вдруг выходит статья, которая

расставляет все по местам и закрывает вопрос раз и навсегда... Можно ли доверять Вале в подобных делах? Насколько она компетентна? С другой стороны, положиться ему больше не на кого. Сам он точно не способен безошибочно предугадывать даже свои поступки, а уж действия Бокарова и подавно.

Сергей хотел позвонить матери и сообщить о статье, но решил, что уже поздно и лучше сделать это утром. Посидев еще немного за компьютером, он худо-бедно настроил себя на позитивный лад, смог проникнуться Валиным воодушевлением и лег спать в предвкушении завтрашней легкости, с ощущением, что тяжелая ноша еще давит, но уже готова вот-вот соскользнуть с плеч в небытие.

* * *

Молодой организм Сергея достаточно быстро восстановился после побоев на заводе. Все-таки его не так сильно отмузузили — скорее помяли для проформы. Было понятно, что при желании те трое в камуфляже легко могли сделать его инвалидом или даже убить. Значит, сигнала такого им не поступило. Хотя врач, посещение которого в памяти Сергея не сохранилось, нашел у него легкое сотрясение, сам он никаких симптомов у себя больше не наблюдал. Даже если сильно потрясти головой, она почти не болела.

Сергей проснулся в восемь утра вполне бодрым и с хорошим настроением, что в последнее время было редкостью. Спина практически не ныла, синяки на руках побледнели, живот не тянуло. Осмотрев холодильник и решив, что ничего из хранящегося там он есть не будет, Сергей собрался и вышел на улицу, рассчитывая перекусить по дороге. Направлялся он к журналистам на окраину города, потому что других дел у него давно не водилось, а сидеть одному в четырех стенах было утомительно и скучно. Из мест, где можно поесть, по пути попадались только многочисленные сети фастфуда. Организм же требовал нормальной еды.

Погода стояла прекрасная. Закованный в снежный плен город выглядел сонным, что случалось не так часто. Машины ехали медленно: нечищенные дороги не вдохновляли дурить даже отпетых гонщиков, и шум проспекта сегодня походил на легкое ворчание. Сергей вспомнил, что на втором этаже торгового центра «Калейдоскоп» есть столовая, и направился в ту сторону.

Занесенный тротуар не позволял двигаться быстро. То и дело, чтобы обогнать какую-нибудь еле плетущуюся старуху, приходилось ступать на обочину, где снега было по щиколотку и ботинки утопали целиком. Но Сергея эти неудобства не смущали. Все вокруг ослепительно сверкало от яркого солнца, поэтому он нацепил предусмотрительно взятые из дома темные очки, которые обычно носил только летом.

Дорога пролегла мимо дома Лены. Можно было пройти по проспекту, но Сергей зачем-то свернул во дворы. Втайне он хотел встретить возле подъезда ее отца, чтобы создать неловкую для обоих ситуацию.

Но на часах было почти девять, и палисадник, естественно, оказался пуст. Внедорожник уехал возить «папика» по важным делам.

Сергей поднял взгляд к балкону, потом посмотрел на соседнее окно — кухни. Непонятно было, есть ли кто-нибудь дома. Хотя Лена в такое время вряд ли куда-то ушла. Он подошел к двери и набрал на домофоне номер квартиры. Долго никто не отвечал. Как назло, сзади подошел пожилой мужик с ведром и дышал в спину. Сергей нажал кнопку отмены. Мужик приложил ключ-таблетку и распахнул дверь, впуская гостя. Гость сделал вид, что не понял, и остался стоять.

Когда дверь захлопнулась, Сергей снова набрал номер.

— Алё? — Это был сонный голос Лены. — Алё-ё? Кто там?

Сергей еще какое-то время постоял под козырьком подъезда. Затем вышел и глянул вверх. В окне нарисовалось знакомое лицо. Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Лена потянулась к форточке и распахнула ее настежь.

— Сергей!

Он развернулся и пошел прочь, зачем-то ускоряя шаг. По взбитому машинами снегу идти быстро было невозможно, ноги спотыкались, поэтому со стороны он выглядел смешно, словно специально паясничал. Зачем было вообще подходить к подъезду, да еще и звонить в домофон? На что Сергей рассчитывал, чего он хотел?.. Иногда человек сам не в силах объяснить причину своего поступка.

В «Калейдоскопе» куча людей, как всегда, штурмовала гастроном, но в этих магазинах очереди не исчезают никогда. В кафе людей было мало, а в столовой, на удивление, и совсем никого. Находилась она рядом с фудкортом и, соответственно, собственным обеденным залом не располагала. Вечером это могло бы стать проблемой, но сейчас Сергей спокойно взял поднос, провез его по линии раздачи, как по конвейерной ленте, и, нагруженный тарелками, двинулся к одному из множества пустых столов.

Борщ, рис с куриной котлетой, компот — скромный завтрак скромного человека. На вкус все казалось куда лучше, чем дома, — обычное дело. Тыкая вилок в котлету и ловя вечно соскальзывающий на край тарелки рис, Сергей думал, стоит ли заявляться к журналистам с пустыми руками или лучше что-нибудь прикупить. Все-таки в прошлый раз они целый стол ему накрыли, а тут тоже вроде как повод...

Спустившись на первый этаж в гастроном и отстояв огромную очередь, он вышел из торгового центра с пакетом, в котором лежала бутылка абхазского вина, сырная нарезка и кусок ветчины. Коробку пиццы Сергей нес в правой руке отдельно. Да, оригинальностью он не блещет: взял примерно то же, что принесли ему.

Остановка находилась неподалеку, автобус приехал почти сразу — не пришлось мерзнуть. Усевшись на свободное место возле окна, Сергей положил покупки на колени и расслабился. Наверное, он выглядел странно в этих солнечных очках, но сейчас ему не было дела, что подумают другие.

В кои-то веки Сергей чувствовал себя легко и бодро. Вот что значит правильный настрой! Вроде ничего пока к лучшему не поменялось,

но стоит убедить себя в обратном, посмотреть на жизнь с другого ракурса, как мир вокруг сразу приобретает краски. Даже дышать стало легче.

Достав телефон, Сергей набрал номер матери. Он не хотел сообщать о статье заранее, пока сам не поймет, что ее выход действительно на что-то повлиял. Но поделиться хорошим настроением был обязан. Жаль, в тех краях со связью не все гладко. Вот и сейчас гудки уходили в никуда, теряясь где-то между медленнодвигающимся автобусом и крепким старым домом в Кучмазове, где наверняка уже было хорошо натоплено, а из трубы так и не разобранной печи шел белый дым.

«Ничего, потом позвоню», — решил Сергей.

На удивление быстро доехав до предпоследней остановки маршрута, Сергей вышел из автобуса и двинулся к знакомому желтому дому в два этажа, зажатому между пятиэтажками. Узкая протоптанная тропинка, повиляв по нечищеному двору, привела к подъезду. Деревянные сараи почти скрылись под снегом, на самом доме тоже образовалась внушительного размера шапка. Того и гляди съедет по шиферному скату кому-нибудь на голову. Старые чугунные батареи в подъезде жарили вовсю, отчего воздух был сухой и колкий. Крутая деревянная лестница на второй этаж — и вот Сергей уже стоит у двери нужной квартиры.

Он потянул за ручку — закрыто. На месте звонка из стены торчали заматанные изоляцией провода. Сергей постучал.

— Кто? — отозвался мужской голос. Глазка в двери не было.

— Я.

— Кто «я»?

Утренняя легкость еще не покинула Сергея, и ему показались забавными такие предосторожности. Он не упустил возможности пошутить:

— Есенин. Сергей Александрович.

Послышался скрежет замка, затем стук щеколды. На пороге стоял Игорь, в смысле оператор. Выглядел он помято и как-то растерянно.

— От кого заперлись?

— От тебя.

Сергей засмеялся и шагнул было в прихожую. Но оператор и не думал его впускать, только немного попятился. Бледное лицо, потерянный взгляд явно говорили о том, что он-то не шутит.

— В чем дело?

— Ты на хрена пришел?

Вопрос застал Сергея врасплох. В ответ он потряс коробкой пиццы.

— Сами позвали. Выход статьи, все такое... А где Валя?

— В полиции.

К горлу подступил противный мокрый комок.

— В смысле?

— Брось, а то ты не знаешь! На кой ты вообще сюда заявился?

Сергей откашлялся.

— Может, все-таки объяснишь, что происходит?

Оператор грубо отодвинул Сергея и выглянул в подъезд. Там было тихо, как всегда. Только электросчетчик мерно жужжал в нише за щитком.

— Заходи.

Не разуваясь, Сергей проследовал на кухню. Оператор вошел за ним и встал, прислонившись спиной к стене возле раковины.

— Приходила полиция, искала тебя. Дома не застали, вот и начали ездить по местам, где ты в последнее время бывал.

— Я только что из дому.

— Значит, тебе повезло — везде разминулся с ними. Минут тридцать, как уехали.

Тихо, чтобы скрыть дрожь в голосе, Сергей спросил:

— Что они хотели?

— Я уже сказал. Тебя искали.

Игорь явно недоговаривал. Руки его двигались нервно, беспорядочно, кулаки то сжимались, то разжимались. Таким Сергей видел оператора впервые и не знал, чего от него в таком состоянии ожидать. Но и осторожничать, судя по всему, времени не было.

— Хватит ходить вокруг да около! Они объяснили, зачем я им? Валя с ними уехала? Почему?

— Объяснили. В красках. Сказали, что ты... изнасиловал маленькую девочку за городом, в коттедже. Типа ездил заниматься с ней английским, — Игорь снова стиснул кулаки, — воспользовался моментом, когда матери не было дома, и...

Пакет с продуктами выскользнул у Сергея из ладони и с грохотом свалился на пол. Отчетливо тенькнуло стекло.

— Полина?!

— Тебе виднее!

Оператор рванулся вперед, схватил Сергея за грудки, прижал к стене и посмотрел на него в упор, обдав несвежим дыханием.

— Единственная причина, по которой я тебя прямо тут не замочу, — это то, что смерть слишком легкое искупление для таких, как ты! Валя тебе помогала. Мы все тебе помогали... А ты... Вас надо отстреливать, как собак! Кастрировать прилюдно на площади!

Сергей опешил. Он никогда не видел, чтобы человека так переполняла ненависть. Глаза Игоря налились кровью, рот съехал в сторону, как при параличе. Оператора трясло. Казалось, еще секунда — и ярость прорвет последние заслоны, которые еще его сдерживают...

— Ты издеваешься? — Сергей шевельнулся, чтобы высвободиться, но оператор вдруг сам ослабил хватку и отпустил его. — Мы через столько прошли! Ты сам видел, на что способен Бокаров. Знаешь, что полиция им прикормлена. И при этом так легко веришь их словам? Это же полный бред! Какое, к черту, изнасилование?!

— У меня дочка такого же возраста. И у нее тоже репетитор... по математике. И если ты все-таки врешь, то я...

— Игорь, мне даже говорить об этом странно. Все, кто меня знает, посмеялись бы.

Оператор опустил на табуретку и положил локти на стол.

— Я тебя не знаю. И ничего смешного не вижу.

— Если ты считаешь, что я на такое способен, то прямо не знаю, что и сказать. Разве ваша газета не пишет постоянно про полицейский и административный произвол? И вообще, как можно верить голословным обвинениям?

— Они... показали фотографии.

Сергей чуть не вскрикнул, но сдержался. Игорь мог понять его волнение превратно, а получить по морде еще и от него было бы совсем некстати.

Неужели почетный гражданин города мог так далеко зайти?

— Чьи? Что за фотографии?

— Тебе в подробностях описать?

Тут уже переключило Сергея. Что, если эти негодяи действительно покалечили Полину? От подручных Бокарова можно ожидать самой последней подлости.

— Надо позвонить Катерине, — произнес Сергей вслух. — Вдруг они навредили девочке.

— Звони, только не отсюда. Твой телефон явно прослушивают. Я больше не хочу видеть здесь полицейских.

— Как мне связаться с Вале́й?

— Никак. Этим ты ей только хуже сделаешь.

Мысли вихрем закружились в голове Сергея. И так, с сегодняшнего дня он вне закона. За его квартирой теперь наверняка будут следить. Каждое передвижение придется хорошенько продумывать. Разговоры по мобильному, получается, небезопасны. Любо́й, с кем он выйдет на связь, должен будет сообщить об этом в полицию, иначе автоматически станет пособником насильника...

— Понимаешь, один я не справлюсь... А кому доверять, если даже ты меня собако́й считаешь?

— Ладно-ладно, проехали. Я просто... Короче, полицейские очень уж красочно всё описали. Еще и фотографии... А у меня дочка... Я не хотел тебя ни в чем обвинять.

Но интонации голоса и выражение лица Игоря выдавали недоверие.

Сергей хмуро усмехнулся:

— Ладно, я пошел.

Его и не собирались останавливать.

Выбравшись на улицу и осмотревшись, он снова нацепил солнцезащитные очки.

«Вот и отпраздновали выход статьи...» От утреннего приподнятого настроения не осталось и следа. Обвинение в изнасиловании — это уже не третье предупреждение. Это тяжелая артиллерия, попытка втоптать бунтовщика в грязь, сгноить в тюрьме, чтобы больше не мешал серьезным людям делать карьеру и заколачивать серьезные деньги.

Больше всего Сергея интересовало, чьи фотографии показывали оператору. Если речь действительно о Полине, каким образом полиции удалось получить у нее фальшивые показания? На эти вопросы мог бы ответить Олег, но звонить другу Сергей побоялся.

Скитаться до бесконечности по зимним улицам он не может. Нужно какое-то, хотя бы временное пристанище, чтобы прийти в себя, собраться с силами, обдумать последующие действия... Но куда идти, у кого искать участия? О каком человеке точно никто не знает и к кому не придут полицейские или люди Бокарова? Ответ: это тот, чьих фотографий не было в конверте, присланном накануне.

Сергей посмотрел на часы. В гимназии должна быть перемена. Он открыл мессенджер и нашел в списке контакт с букетом красных роз на аватарке. Выбрав защищенный канал связи, нажал на вызов.

— Алло?

— Надя, привет. Это Сергей.

— Привет! Как твоё здоровье?

Звук был почему-то гулкий, как из бочки. Словно она сидела не в огромном кабинете, а в железном контейнере. Видимо, особенности ее древнего смартфона.

— Нормально. Но у меня проблема... — Сергей сделал паузу, прикидывая, как покороче изложить суть. — В одной центральной газете вышла статья обо мне и Бокарове. Инцидент в гимназии, подпольная лаборатория — об этом теперь знают тысячи людей по всей стране.

— Так это же круто, нет?

— Да. Только теперь меня ищет полиция. Якобы я изнасиловал ученицу, к которой езджу за город... ездил.

Надя молчала. Сергей принял это за обрыв соединения.

— Алло? Ты слышишь?

— Да. Но... это же неправда?

Сергей так громко вздохнул, что на другом конце несуществующего провода затрещал динамик.

— Я думал, ты меня хорошо знаешь.

— Знаю, в смысле...

Снова повисла пауза. Надя о чем-то раздумывала. Сергей ждал. В трубке послышалась знакомая мелодия звонка, возвещающего конец перемены. Шум резко усилился. Судя по всему, дети врывались из коридора в кабинет, громко топали и смеялись, пока не обращая внимания на учителя.

— Я отменю последний урок. Отпрошусь, придумаю что-нибудь. Приезжай ко мне.

Сергей, в общем-то, понятия не имел, чем способна помочь Надя. В этой ситуации его могло спасти только чудо. Но возвращаться домой было нельзя, да и оставаться в одиночестве не хотелось: недолго с ума сойти. Он и так постоянно вглядывался в припаркованные рядом автомобили, то и дело оборачивался, подозревая слежку. Прохожие с недоумением смотрели на странного парня в солнечных очках, который нервно оглядывался вокруг.

Сергей не хотел привести «хвост» к дому Нади. Если это последнее безопасное место раскроют, ему останется только уехать в Кучмазово.

С каждой минутой он все больше чувствовал себя параноиком. Пустой автобус раньше вызывал у него радость, но теперь, сидя в едва

заполненном салоне с огромными окнами, он ощущал себя так, словно все люди в автобусе и на улице смотрели на него и чуть ли не тыкали пальцами: «Вот он, насильник! Хватайте собаку!» От остановки до дома Нади Сергей практически бежал, словно каждая минута могла оказаться решающей.

— Ты пьян?

Он только сейчас понял, что оставил пакет с продуктами и пиццу в квартире оператора.

— А что, похоже?

В зеркале прихожей отразилось его болезненно-красное лицо. Сергей разулся и, не снимая куртки, прошел за Надей в комнату.

— Как мама? — обернулась к нему Надя.

— Я вчера отправил ее в деревню. Тут небезопасно.

— Ты заранее знал, что так будет?

Сергей расстегнул куртку и сел на диван.

— Нет. Просто выяснилось, что за нашими передвижениями следят. Мате... маме прислали конверт с фотографиями. Оказывается, за мной везде ездили. И за ней... Я решил, что лучше не рисковать.

Надя села рядом. Она ничего больше не спрашивала, словно получила достаточно информации. Сергей тоже молчал. Настенные часы с римским циферблатом громко щелкали, на кухне трясся холодильник. Периодически слышался монотонный гул проезжающего лифта, щелкали реле при каждой его остановке. Девятый этаж, лифтовые механизмы буквально за стеной.

— А что журналисты?

— Игорь, оператор, мне не верит. А с Вале́й я не разговаривал, ее увезли в полицию для дачи показаний.

— Надо с ней связаться.

— Что толку?

— Пусть сходит к матери этой девочки, поговорит. Им же, очевидно, заплатили.

Сергей сразу опроверг этот вариант:

— Живут они небедно. Тут вопрос не в деньгах.

— Значит, запугали, — предположила Надя.

— Вот это вполне вероятно.

Сидеть в верхней одежде стало жарко. Сергей снял куртку, и Надя отнесла ее в прихожую.

— Будешь борщ?

Они больше ни о чем не разговаривали. Молча ели, потом пили чай. Потом вернулись в комнату и снова сели на диван. Сергей был в прострации, словно время остановилось и можно передумать все мысли, какие только приходят в голову. Надя взяла с полки книжку, открыла на странице с закладкой и принялась читать. И не было в таком времяпрепровождении ничего тягостного или дурного. Никто из них не чувствовал себя неловко, не пытался заполнить тишину ничего не значащими репликами. Наоборот, молчание словно было воздаянием за безумный ритм

городской жизни, за необходимость смотреть на унылые рожи в автобусах, за злость и ханжество, с которыми каждый день встречается житель мегаполиса.

Зазвонил телефон, оставленный в кармане куртки. Сергею пришлось встать и дойти до прихожей.

Защищенный канал.

— У меня плохие новости. Я только что вышла из полицейского участка. На тебя повесили какое-то чудовищное изнасилование, и теперь тебя ищут по всем знакам...

— Я знаю, Валь. Недавно был у Игоря.

— Ох... Он не наговорил тебе лишнего?

Сергей подумал и решил не посвящать Валентину в детали.

— Нет, но и приветливостью не отличался.

— Скажи мне адрес этой бабы. Ну, матери девочки. Надо ее навестить.

Отодвинув телефон от уха, Сергей стал листать старые заметки. Он не помнил адреса наизусть.

— Это коттеджный поселок, там вроде и улиц нет. Могу только показать.

— Тебе вообще выходить никуда нельзя... Стоп, ты ведь не у себя?

— Я у Нади.

Журналистка некоторое время молчала. Видимо, вспоминала, кто это.

— А... Ну вот там и сиди. Найди нужный дом на карте и скинь мне метку. Задам этой тетке пару вопросов, а потом к вам наведаюсь.

Сергей был уверен, что Катерина даже дверь не откроет. Похоже, на нее основательно надавили, раз она позволила испачкать в грязи имя единственного ребенка.

— Я же тут до вечера не буду.

— Ладно, разберемся. Не вздумай никому звонить!

Вернувшись в комнату, Сергей принялся вычислять на карте коттедж Катерины. Надя и хотела бы ему помочь, но понятия не имела, что он ищет, поэтому просто не мешала. Со спутника поселок выглядел еще более невнятно, чем в реальности: поди разберись в этих пересечениях линий на маленьком экране телефона. Помог шлагбаум — спутниковое фото было сделано ближе к вечеру, поэтому он отбрасывал на асфальт небольшую тень. От него до дома Катерины маршрут уже вспоминался легче... Вот!

Сверху дом выглядел невзрачным квадратом, как и соседние. Но это точно был он. Сергей вызвал меню настроек, скопировал геолокационные данные и сразу отправил Вале.

— Теперь остается ждать, — сказала Надя безразлично.

Сергею это резануло слух, потому что таким тоном она не разговаривала давно. Со времен их совместных поездок из гимназии.

— Я думаю, это не поможет. Катерина сейчас никого на порог не пустит. Думаю, ее действительно запугали, чтобы она согласилась повесить

на дочку такое клеймо. Разговоры с любителями докапываться до правды ей ни к чему.

— Может, девочку действительно изнасиловали.

Сергей опешил от того, с какой легкостью Надя высказала это предположение. Словно она не в школе с детьми работает, а в морге или на мясокомбинате. Подумаешь — девочка...

— Сплюнь!

Мысль о том, что такое действительно произошло, ужаснула Сергея. Возобновившееся молчание уже не казалось благом, а все больше тяготило. Время шло, а они ничего не делали, чтобы проблема решилась.

Стрелки на «римском» циферблате показали два часа дня. Внезапно телефон завибрировал, бодро заиграла мелодия вызова. Сергей вздрогнул от неожиданности и отключил звук. Звонила мать.

— Почему не берешь? — удивилась Надя.

— Я на прослушке. Отвечу — сюда сразу приедет полиция.

Она отнеслась к аргументу с видимым сомнением.

— Мы же не в кино. Не будут они каждый вызов отслеживать.

— По моему номеру — наверняка будут. Лучше не рисковать.

Вызов прекратился. Никакого другого способа связаться с Кучмазовым у Сергея не было. Номера тети Оли он не знал, а у матери никакого мессенджера, кроме банальных эсэмэсок, в телефоне, естественно, не водилось. Скорее всего, ничего серьезного не произошло и она звонила просто узнать, как у него дела... А что, если к ней тоже нагрянули полицейские?

Чем ближе подступал вечер, тем невыносимее становилось ожидание. Пространство вокруг словно сжималось, сердце отчетливыми ударами билось о ребра, а каждый шорох и скрип дверей по соседству воспринимались как угроза.

Надя проверяла тетрадки, сгорбившись за письменным столом, а Сергей листал ее детский фотоальбом. На всех снимках Надя была с недовольной физиономией. Казалось, она с самого раннего возраста не ждала от жизни ничего хорошего. Худая невысокая девочка с вытянутым, как у мыши, лицом неизменно смотрела в объектив грустными глазами, какие бы интерьеры и ситуации ее при этом ни окружали.

Первое сентября, букет роз, завернутый в блестящий целлофан, сзади гаражи и обшарпанная стена панельного дома... Дачная зарисовка под яблоней, Надя изображает селянку и держит тонкой ручкой огромные грабли, в два раза выше нее... Отчетный групповой снимок отряда «Ласточка» пионерлагеря «Азовские сапфиры»: на горизонте блестит морская гладь, все веселы, а Надя усиленно жмурится, как будто солнце светит в лицо ей одной. Застолье у каких-то родственников... Сергею казалось, что такие фотографии можно найти в архиве абсолютно у каждой семьи. Эти смеющиеся, пьющие незнакомцы на вид ничем не отличались от людей с его детских снимков.

— А почему ты такая грустная везде? — спросил он, не ожидая вразумительного ответа.

— Я не грустная, а умная. Это я так размышляю.

Сергей усмехнулся. Ответ ему понравился.

В квартиру позвонили.

— Сиди, я сама!

Он и не собирался никуда двигаться. Отложив альбом в сторону, он прикидывал, куда спрятаться, если это полиция. На балкон? Там холодно. Да и прыгать в случае чего с девятого этажа — идея не очень...

Слышно было, как Надя отперла входную дверь.

Может, спрятаться в другой комнате? Вход туда буквально в двух шагах, но найдется ли там укромное место? Полиция, если что, вывернет каждый шкаф.

Напряжение мгновенно спало, когда он услышал знакомый женский голос, который о чем-то спрашивал. Надя отвечала вполголоса. Сергей временами мог разобрать отдельные слова, но в целом смысл диалога понять не удавалось. Он предположил худшее: придется уходить.

— Здравствуйте, молодой человек!

В комнату заглянула женщина, немолодая, но выглядящая достаточно свежо. У нее были короткие светлые волосы, большие голубые глаза, аккуратно подведенные вишневой помадой губы, приятные, гармоничные черты лица. Даже удивительно, как у этой симпатяги родилась такая невзрачная дочка.

— Добрый день, — смущенно ответил Сергей.

— Да уж почти вечер. — Женщина многозначительно улыбнулась, показывая, что смысл происходящего здесь ей понятен. Разве что только не подмигнула.

Задерживаться она, как ни странно, не стала. Вскоре входная дверь хлопнула снова, и Надя вернулась в комнату одна.

— Что ты сказала своей маме?

— Чтобы она пошла к подруге.

— Я думал, ты ей призналась, что прячешь меня от полиции.

Надя засмеялась:

— Нет. Но поверь, ее бы и это не смутило.

В другое время Сергей сразу догадался бы, о чем речь. Но сейчас он был настолько полон собственными проблемами и страхом попасть в лапы продажного местного правосудия, что понимание пришло к нему только минут через десять. Он мог бы обидеться, что Надя выдала его за своего ухажера, не имея на то никаких оснований. Но этим она выиграла для него лишние часы под крышей, в тепле. Перспектива болтаться зимним вечером по городу энтузиазма не вызывала.

Сергей сам не заметил, как стал засыпать. Он сидел, откинувшись на спинку дивана, и отяжелевшая голова потихоньку съезжала то к одному плечу, то к другому.

— Ложись.

Надя подвинулась, освобождая место.

— Да я так... — пробормотал Сергей, мигом проснувшись.

— Ложись, говорю. Когда еще отдохнешь.

Он вытянулся и занял весь диван. Затекшая поясница, расслабившись, сразу заныла, но не слишком сильно. Надя включила лампу на тумбочке и читала книгу, сидя рядом с Сергеем, на краешке дивана. Он еще успел подумать, что носки у него чистые и не должны пахнуть, и тут же отключился.

Телефон умеет звонить только внезапно и никак иначе. Сергей дернулся и, еще не успев проснуться, принял вертикальное положение. При этом они едва не столкнулись лбами с Надей, которая потянулась его будить. Телефон скатился с края дивана и шмякнулся на пол. Сергей потянулся и схватил его.

— Алло?

— Ты где? — крикнул динамик Валиным голосом.

— Там же. У Нади.

— Мы щас подъедем. Где она живет?

Валя была еще более взвинчена, чем обычно. Она говорила быстро, словно куда-то торопилась.

— На улице...

Надя замахала руками, протестуя:

— Скажи, чтобы к «Калейдоскопу» подъезжали!

Сергей хотел возразить, что там полно следящих камер, но другого места быстро придумать не сумел. Пришлось согласиться.

— Подъезжайте к торговому центру «Калейдоскоп»... Куда такая спешка?

Ответом его не удостоили. Подумав секунду-другую, Валя сообщила:

— Через двадцать минут будем.

Сергей так и остался сидеть с телефоном в руках. Он ничего не понимал. Не только потому, что Валя говорила загадками, но и потому, что слишком резко подскочил и теперь в глазах у него стреляли красными зарядами многочисленные салюты. Из головы словно откачали содержимое, оставив звенящий вакуум. Мысли в эту космическую пустоту возвращались неохотно.

— Пошли, тут как раз двадцать минут идти, — сказала Надя, которая слышала весь разговор.

— А ты-то куда?

— Одного я тебя не пущу. Кроме того, мне есть что сказать этой журналистке.

Тон, которым Надя это заявила, встревожил Сергея. Он не знал, что у нее на уме, и боялся каких-нибудь непредвиденных осложнений. Хотя в последнее время она ему много помогала, так что не было причин сомневаться в ее добрых намерениях...

— Хорошо.

Надя накинула серое пальто. Пока Сергей обувался, она убрала книгу на полку, плотно задвинула все ящики стола, выключила лампу на тумбочке. Чтобы не топтаться в загроможденной вещами прихожей, Сергей вышел на лестничную клетку. Надя заперла квартиру на два замка.

«Как будто есть что воровать».

От дома Нади до торгового центра действительно было двадцать минут ходу. Немного ближе, чем от дома Сергея, и быстрее, но только в хорошую погоду. Путь по заметным тротуарам занял все полчаса. Снегоуборочная техника трудилась вдали, моргая оранжевыми проблемными маячками.

Когда Сергей с Надей добрались до «Калейдоскопа», на улице уже начало темнеть. Но возле торгового центра было светло как днем из-за ярких рекламных огней и множества прожекторов, освещавших огромную парковку. Машин, кстати, было еще не так много. Сергей снял ненужные больше солнцезащитные очки и стал шарить глазами по площади перед входом в торговый центр.

— Вон, кажется, — сказала Надя.

Около кучи неубранного снега стояла белая цельнометаллическая «газель».

— Это не их машина.

— А похожа.

Сергей не сомневался, что издали заметит знакомый «соболь». Его, впрочем, действительно немудрено перепутать с «газелью». В сущности, это одно и то же. Только «соболь» короче на одну секцию...

— Ну и где ваши двадцать минут? — с досадой буркнул себе под нос Сергей.

Сзади посигналили. Он терпеть не мог, когда водители ему сигналият. Это пример отвратительного неуважения к пешеходу. Ну если только в исключительном случае, например в попытке предотвратить какую-то опасную ситуацию...

— Отойди! — Надя схватила его за плечо и заставила отступить в сторону.

Буквально в метре от них остановился красный кроссовер BMW X6. Переднее пассажирское стекло опустилось, в окне появилась возбужденная физиономия Вали.

— Садитесь, садитесь! Ну!

Двери открылись, и Сергей с Надей оказались внутри. Кожаные сиденья приятно поскрипывали под их весом.

— Катерина?

— Здравствуйте, Сергей Павлович.

Машина резко тронулась, пассажиры вжались в спинки сидений. В лобовом стекле замелькали люди, припаркованные вразнобой машины... На крутом повороте Сергей повалился на Надю, при этом произвольно схватившись за ее колено.

— По проспекту до развилки с улицей Кирова. Затем — на Строителей. Потом долго-долго по ней, и будет съезд возле путепровода...

— Знаете, — прервала Катерина Валины объяснения, — вы лучше введите в навигаторе адрес.

Тыча пальцем в большой сенсорный дисплей на передней панели BMW, Валя набрала название улицы и номер дома. Сергей их прочел, но не знал, где это.

— Куда мы едем?

— Записывать сюжет, — коротко сообщила журналистка.

Значит, к двухэтажке Игоря. На этом разговор прекратился. Сергей не мог поверить, что все происходит наяву. И не понимал, почему все молчат.

— Может, объясните, что за сюжет? — не выдержал он.

— Надо быстро выложить опровержение, что никого не насильовали, все это неправда.

— А где Полина?

Катерина крутнула руль на пол-оборота, машина шарахнулась в сторону для обгона грузовика. Нажатие на педаль газа — и BMW понеслась вперед, слегка пробуксовывая своими большими колесами.

— В полиции.

— Как она туда попала?

— Ее увезли.

— Кто? — не мог понять Сергей.

На крутом повороте BMW чуть не ушла в занос и частично выехала на встречную полосу. Вокруг пронзительно, нервно засигналили. Ответа на свой вопрос Сергей не услышал.

— Почему же вы ее не заберете? — спросил он.

Впереди загорелся красный сигнал светофора. Понимая, что проскочить не выйдет, Катерина резко ударила по тормозам, и кроссовер опять едва не развернуло — спасли электронные системы контроля.

— С ней якобы проводят следственные действия. В смысле, ее опрашивают. Меня к ней не пустили... Боюсь даже представить, чего она там наговорит.

— Но ведь это незаконно! — возмутилась Надя.

Ее наивный комментарий вызвал у присутствующих лишь нервный смехок.

Катерина вела машину безобразно. Пользуясь тем, что разметка из-за снега плохо читалась, прыгала по рядам, подрезала, поворачивала через сплошную. Она выжимала из своей BMW все силы, а их было достаточно. Двигаясь к путепроводу, женщина перепутала полосы и так дерзко вклинилась в небольшой просвет между камазом и машиной такси, что Сергей потянулся к ремню безопасности, а Надя перекрестилась.

— А если позвонить? — спросила Надя.

— Она отвечает. Говорит, у нее все хорошо. Ну да, оклеветать невинного человека — куда уж лучше!

Сергею было приятно, что Катерина так рьяно встала на его защиту. И что даже в ситуации, когда ее дочку держат в полиции, она сохраняет рассудок, а не мечется в панике. Хотя манера ее вождения говорила об обратном. Или она всегда так ездит?

— Ничего Бокаров моей дочке не сделает. А вот она может наболтать о вас всякого. — Катерина как будто прочла его мысли.

— Судя по вопросам, которые мне задавали в полиции, они сами не знают, как быть. Сверху пришла разнарядка, вот и отрабатывают... — Валя отвлеклась на очередную реплику навигатора. — Одно могу сказать точно: тебе несказанно повезло, что тебя не застали дома. Попади ты к ним в отдел — уж точно придумали бы, как закрыть. А может, после пары их приемчиков сам бы подписал какие угодно признания.

— Не хотелось бы попасться патрульной службе после такого везения.

Бросив взгляд в зеркало заднего вида, Катерина поняла намек и немного умерила прыть автомобиля. Одна только мысль об аресте вселяла в Сергея ужас. Еще и Валя говорила об этом так, что перехватывало дыхание. Он вдруг представил, что произошло бы, если бы ему вздумалось поспать на час дольше. Получается, вот оно — чудо?

BMW X6 проехала между пятиэтажками и встала вдоль покосившегося деревянного забора, прямо перед калиткой. Все вышли и двинулись колонной по одному через заметенный двор ко входу в подъезд.

Оказавшись в квартире, Сергей увидел, что, кроме оператора, там уже находится Аня, их бессменный диктор. В комнате все было готово для съемки. На стене висел экран хромакея, под штатив для камеры все так же были подложены книги, чтобы компенсировать неровности пола. Катерина сняла пальто и замерла, ожидая инструкций. Валя достала блокнот и начала быстро набрасывать текст ее предстоящего выступления.

— Я без текста могу сказать. Сама.

— Хм... — задумалась Валя. — Давайте попробуем.

Сергей отошел к серванту, чтобы не мешать. Оператор зашторил окна, хотя на улице и так уже было темно, повозился с освещением и наконец вернулся к штативу и камере. С прошлой попытки снять видео в квартире особых изменений не произошло: человек в кадре по-прежнему выглядел немного нелепо, ближайшая к лампе половина лица освещалась сильнее.

— Готовы? — спросила Валя.

Катерина кивнула.

— Стойте! — перебил оператор. — Хотя нет... Можете пока порепетировать, а я кое-что проверю.

Он подошел к серванту, выдвинул нижний ящик и стал рыться в тряпках.

— Меня зовут Голицына Катерина Станиславовна. Сегодня полиция завела уголовное дело по факту изнасилования...

— Может, лучше «действий сексуального характера»? — предложила Аня. — А то слишком прямолинейно.

Она ела кусок пиццы из раскрытой коробки. Рядом лежал пакет, который Сергей принес утром.

— Какая разница! Ладно, давайте так, — недовольно фыркнула Валя.

— Сегодня полиция завела уголовное дело по факту действий сексуального характера в отношении моей дочери, Голицыной Полины. Хочу заявить...

Оператор держал в руках марлевый лоскут. Он подошел к одной из ламп и накрыл ее. Лицо Катерины стало в мелкую клетку.

— Нет, ерунда.

Игорь взял тонкий пододеяльник, разорвал пополам и снова набросил на лампу. Катерина потемнела, но зато стало не так сильно заметно расхождение в освещении левой и правой части лица.

— Так, давайте под запись, — хлопнул в ладоши оператор.

— Мы ни разу не прогнали текст, — заметила Аня.

Валя махнула рукой:

— Нам и свет твой не так важен, Игорь. Быстро, быстро надо! Мы попусту время тратим!

Откашлявшись, Катерина поправила блузку, тронула ладонью правое ухо с серьгой, в которой поблескивал синий камень, и выдохнула. Красная точка на старой портативной камере загорелась, пошла съемка.

— Хочу заявить, что это не имеет ничего общего с реальностью и объясняется желанием кандидата в губернаторы Бокарова использовать моего ребенка для улаживания своих личных проблем. В частности, конфликта с учителем гимназии...

Катерина говорила четко и ровно, словно много раз успела повторить в голове слова. В комнате все затихли и слушали. Валя сидела в кресле, болтала ногой и тоже ела пиццу.

— Сейчас мою дочь держат в полицейском участке и заставляют давать ложные показания. Меня к ней не пускают. Заявления о противоправных действиях со стороны сотрудников полиции принимать от меня, конечно, не хотят...

— Давайте еще запишем в конце обращение к избирателям, — предложила Валя.

— Ты зачем перебила? — взвился оператор.

— Надо сказать, мол, одна надежда на вас, дорогие жители города. Не голосуйте за Бокарова на выборах, это заранее разыгранный спектакль.

Катерина недовольно спросила:

— А какое отношение это имеет к делу?

— Будет похоже, что мы не независимое СМИ, а отрабатываем заказ конкурентов, — заметила Аня.

Валя повысила голос:

— Нет, вы не поняли! Сейчас это и есть самое главное — разозлить Бокарова. Чтобы он совершил какую-нибудь глупость.

— Я думала, главным является спасти Сергея Павловича от тюрьмы, — возразила Катерина.

— Одно другому не противоречит, — доказывала Валя. — Пусть Бокаров думает, что ему конкуренты дышат в спину. Тогда он переключится на кого-то еще и оставит Сергея и нас в покое.

В итоге обращение к избирателям все же решили записать. Хуже оно в любом случае не сделает, а если есть малейшая вероятность, что этим можно сильнее задеть Бокарова, — почему нет? Изначально хотели снять обращение отдельным дублем, но Катерина запротестовала:

— Я заново весь текст проговорю. Склейки не нужны — это будет выглядеть неестественно. Надо, чтобы зрители прониклись.

Сергея удивило, как хорошо она владеет речью. Катерина говорила на камеру о своей дочери, попавшей в непростую ситуацию, и при этом даже глазом не моргнула. Интересно, где она приобрела такую закалку?

Примерно через час съемка видеосюжета завершилась. Оператор скрылся на кухне и уткнулся там в ноутбук. Остальные разбрелись по комнате.

— Из вас вышла бы неплохая ведущая, — сделала Валя комплимент Катерине.

— Я работаю риелтором. Это то же самое в некотором роде. Продаю дорогие лоты. Надо очень красиво и доходчиво объяснить человеку, почему он должен купить именно этот коттедж, а не другой.

Катерина сидела на стуле возле хромакея, закинув ногу на ногу, и с интересом оглядывала помещение. Весь ее вид, одежда, та легкость, с какой она двигалась, резко контрастировали с убогим интерьером квартиры, словно эту женщину поместили сюда в качестве модели и вот-вот должна начаться фотосессия.

Накрытые пододеяльником лампы отключили, и сейчас комната освещалась только пыльной люстрой.

«В продаже такого лота никакой красивый рассказ не поможет», — усмехнулся про себя Сергей, представляя, как Катерина расхваливает кому-нибудь эту халупу.

Все ждали, когда оператор закончит монтаж видео. Аня скучала, рассеянно просматривая что-то в телефоне: ее дикторские услуги не понадобились, а уходить было неудобно. Пиццу уже доели, содержимое пакета никого не заинтересовало.

Катерина еще раз набрала номер дочери.

— Не отвечает.

Немного подумав, Сергей предложил:

— Я могу позвонить другу-полицейскому. Только не с моего телефона.

Надя протянула ему свой.

— Олег? — начал разговор Сергей.

В динамике зашипело.

— Серега, ты? Тебя что, в бочке с говном спрятали? Что за странные помехи?

В Надином старом смартфоне звук безбожно искажался.

— Я тут попал в полную жопу. На меня повесили изнасилование, — сообщил другу Сергей.

— Погоди.

В трубке послышался шорох, хлопнула дверь.

— А ну-ка еще раз.

Вздыхнув, Сергей повторил:

— Полиция хочет повесить на меня изнасилование девочки, с которой я занимался английским. Это очередной финт от Бокарова.

— Охренеть! И ты мне только сейчас звонишь?

— Я думал, ты знаешь.

Друг досадливо цокнул языком.

— Ты не дома, я надеюсь?

— Нет. Слушай... Там у вас опрашивают девочку, Полину Голицыну.

Можешь узнать, когда ее отпустят и что там вообще происходит?

Олег помолчал, потом осторожно уточнил:

— Не понял. Тебе это зачем? Ты сам где?

— Я с журналистами и матерью этой девочки. Мы сняли видеоопровержение. Саму Полину держат в полиции и, видимо, склоняют к тому, чтобы она наговорила то, что надо им. Она перестала отвечать на мамины звонки.

— Ну ты даешь, Серега! Думаешь, у нас на весь город одно здание с вывеской «Полиция» и я знаком со всеми его работниками?

Так Сергей не думал, просто он никогда особенно не вникал в структуру органов охраны правопорядка. Не тот предмет, о котором хочется много знать.

— База данных-то у вас общая. Пожалуйста, найди хоть что-нибудь! И позвони. Только не на мой номер, а сюда.

— Спасибо за уточнение, товарищ дурак. Повтори имя девочки еще раз.

Сергей повторил. Олег бросил трубку. Вся комната снова погрузилась в ожидание. Из кухни слышны были щелчки мышью — Игорь спешно монтировал ролик. Надин телефон положили на край дивана, чтобы был на виду. Не хватало еще пропустить звонок.

Надя была какая-то беспокойная. Мяла слишком длинный для нее рукав толстовки, оглядывалась, словно хотела чем-то поделиться, но не могла выбрать подходящий момент. Поначалу Сергей не придавал этому значения: мало ли, просто чувствует себя неудобно... Но потом понял, что это неспроста.

— Ты чего? — спросил он.

— Ничего.

Поняв, что ее беспокойство бросается в глаза, Надя решила и, вскочив с дивана, повернулась к Вале. Та от неожиданности дернулась.

— Валентина! Можно с тобой поговорить?

— Можно. Говори.

— Нет, пошли в коридор.

Валя удивленно переглянулась с Сергеем и Аней, но все же встала с кресла. Коридор в этой квартире был весьма сомнительным местом для признаний: там что ни скажи — услышат все вокруг, даже соседи этажом ниже. Поэтому девушки сразу вышли в подъезд. Сергей не представлял, о чем Надя собралась секретничать с журналисткой, но выглядело это по меньшей мере странно. Они все в одной лодке и после всего, что им уже довелось вместе пережить, должны бы друг другу доверять. Хотя Надя, конечно, человек сторонний, ее по лицу не били, с работы не увольняли, с камерой за ней по пятам не ездили... И что такого важного может знать учительница физики?

Девушки вернулись буквально через пару минут и сразу прошли на кухню. Аня, устав паяльаться в телефон, отправилась туда же узнать, что происходит. Сергей тоже встал и последовал за ней.

— У меня не такой мощный ноутбук, чтобы параллельно обработке видео еще и файлы открывать!

— Игорь, втыкай, я сказала.

Валя трясла перед лицом оператора маленькой красной флешкой.

— Ну раз ты сказала, — обиженно произнес он.

На некоторое время все замолчали. Сергей подошел ближе к ноутбуку, но все равно из своего угла видел только отражения склонившихся к экрану лиц. Встать перед ноутбуком он не мог: эти места уже заняли. Надя стояла с другого боку, у окна, и смотрела вверх голов в стену.

— Охренеть! — только и сказал оператор.

— Ну ты, Надь, даешь! — добавила Валя.

Аня повернула экран к себе, и теперь Сергею тоже стало видно. Он не мог поверить своим глазам, поэтому подошел еще ближе. Затем вообще отодвинул Аню в сторону и практически уткнулся в экран, оставшись единственным зрителем. Никто не возмущался.

Он не верил своим глазам. Этого не могло быть.

— А звук есть?

— Нет. — Оператор для убедительности тронул клавишу громкости. — У меня динамики на максимум выкручены.

— И ты все это время молчала? — Валя обернулась к Наде.

Когда видео закончилось и началось заново, Сергей с трудом заставил себя посмотреть в сторону Нади. Ее лицо приняло знакомое отрешенное выражение, а на бледной коже проступили красные разводы, как от прикосновения большой руки, словно ей только что вlepили пощечину. Сергей поборол желание заорать и действительно броситься на нее и снова отвернулся к ноутбуку. Видео как раз дошло до кульминационного момента.

— Я... прости... — сказала Надя, мигом безошибочно считав настроение бывшего коллеги.

На изображении с камеры видеонаблюдения было отчетливо видно, как навстречу стоящему спиной к зрителям Сергею направляется тяжело-весная округлая фигура. Секунда — и кулак прилетает ему по лицу. Даже без детального разглядывания ясно, что удар нанес Бокаров, почетный гражданин города, меценат и кандидат в губернаторы. Учитель падает на ковер. Вдалеке, на самом краю изображения, неестественно растянутые широкоугольным объективом камеры, стоят три женщины: завуч Ларюшина, классный руководитель шестого «Б» Анна Константиновна и Надя. Бокаров выходит из учительской, и только тогда Сергею предлагают помощь. Но к тому моменту он уже сам поднимается...

— И куда мне это вмонтировать? — недоуменно спросил оператор.

— Да куда, — решила Валя. — Выложим потом на канал отдельным фрагментом.

Сергей был потрясен. И далеко не тем, что Надя умудрилась заполучить запись с камеры.

— Когда ты ее взяла? — процедил он сквозь зубы.

— В по... понедельник. Я осталась допоздна и попросила охранника помочь с окном в кабинете. Оно плохо закрывалось, и оттуда постоянно сифонило. Пока он возился, я спустилась на пост...

— Жесть! Ну прям натуральный шпионаж! — прокомментировала Аня, в порыве восхищения перебив говорящую.

— Это было не так трудно, только... я не могла отдать запись раньше.

Надя посмотрела на Сергея, ожидая реакции. Но по его виду поняла, что восторга по поводу проведенной ею операции он не испытывает.

— Ты понимаешь, что отдай ты запись сразу — ничего этого не произошло бы? — Сергей обвел руками кухню, задев угол шкафа.

— Да, но...

— Все могло закончиться сразу же! Одна публикация — и меня возвращают на работу, редакцию не закрывают, матери не надо прятаться в деревне. Жизнь продолжается в обычном ритме.

— Я боялась, что в гимназии...

— Узнают, кто скопировал запись?

Надя замолчала.

Сергея понесло. Ему хотелось как-то больно уязвить физичку, чтобы ей стало стыдно за свою черствость и малодушие.

— Поверь, они и так узнают.

— Как?

— Я им скажу. Или в сюжете отдельной сноской добавим. Добавим ведь?

Повернувшись сначала к Ане, затем к оператору, Сергей не нашел у них поддержки. Он опять почувствовал себя больным. Взгляд метался по кухне, словно что-то ища. Сергей попытался изобразить ухмылку, но губы не слушались, дергались, выдавая, что он вот-вот сорвется в истерику.

Валя тронула его за плечо:

— Лучше поздно, чем никогда. Подумаешь, пара дней! Запись эта очень полезная, и мы сможем найти ей применение. Просто не в этом сюжете.

— Почему? Можно вставить в том месте, где говорится о конфликте Бокарова с учителем, — предложил оператор.

— Слишком много времени потратим, — отрезала Валя. Но затем одумалась: — Ладно, это того стоит. Делай!

Она явно была озадачена, и Сергей даже знал, чем именно. Надя совершила такой маневр, рискуя карьерой, записала на флешку уникальное видео, а в ответ вместо благодарности получила упреки.

— Ты молодец! Крутая работа, — похвалила Валя учительницу физики.

Но та ждала одобрения от другого человека.

— Эй! Вы что, глухие? — крикнула Катерина.

На краю дивана пиликал телефон. Все мгновенно переключились на новую задачу и с грохотом побежали в комнату. Сергей не сразу вспомнил, что это звонит Олег, а значит, ответить должен он.

— Да?

— Хреновая ситуация, Серега. Дело по тебе действительно возбудили. Правда, никаких деталей я пока не смог разузнать. Видимо, их и нет — есть пустая папка, которую срочно надо набить «мясом». Тебе повезло, что не отвезли в отделение.

— А с девочкой что?

Голос Олега был тихий и безрадостный. Такое с другом случалось редко.

— Я думаю, что лучшим вариантом для тебя будет уехать в Кучмазово вслед за мамой. Туда следствие вряд ли быстро доберется, а к тому моменту мы, может, придумаем вариант получше.

— Ты про девочку узнал? Полину?

Олег на секунду отвлекся. Видимо, кто-то зашел к нему в кабинет.

— Все с ней в порядке. Несовершеннолетние не могут находиться в полиции без родителей. Ее забрали домой.

— Кто забрал? — повысил голос Сергей, не веря ушам.

— Отец.

Сергей посмотрел на Катерину. Она сидела рядом на диване и взволнованно сжимала руки, ожидая окончания разговора. Связь была такая, что Сергею самому было плохо слышно собеседника. Однако Катерина все поняла.

— Ты уверен? — переспросил Сергей.

Олег разозлился:

— Разумеется, что за вопрос! Никуда не высовывайся. После смены я тебя заберу и отвезу в деревню.

— Спасибо за помощь. Я перезвоню.

Сергей сбросил вызов и отдал телефон Наде. Все разом на него накинлись.

— Ну что? — требовательно спросила Валя.

— Полина не в полиции, ее забрали.

— Кто? — спросила Аня.

— Отец.

Катерина резко вскочила с дивана и застыла в центре комнаты.

— Полиция должна была *мне* позвонить! Тварь!

Она кинулась в прихожую и начала лихорадочно собираться.

— Можете объяснить, что произошло? — недоумевала Валя.

Нагроможденная на два жалких крючка одежда рухнула на грязный пол. Аня едва успела схватить свое пальто перед тем, как оно попало в лужу коричневой грязи. В маленькой прихожей стало совсем тесно.

— Вы куда? — спросил Сергей.

— К ее отцу.

Заполучив недостающее звено, Валя как-то сразу успокоилась и потеряла интерес к этой линии истории.

— Главное, что девочка не в полиции. С семейными проблемами сами разбирайтесь.

Она ушла на кухню посмотреть, как продвигается монтаж финальной версии сюжета. Аня немного постояла и последовала за ней.

— Я вас одну не отпущу, — решительно сказал Сергей.

— Это мое личное дело!

Катерина никак не могла найти щеколду и нервно билась плечом о дерматиновую обивку, пытаясь открыть входную дверь.

Сергей схватил ее за руку:

— Успокойтесь...

— Надо ехать быстрее!

Найдя на ощупь свою куртку, он отодвинул щеколду. Катерина выскользнула из квартиры и быстрым шагом двинулась к лестнице. Он спешно сунул ноги в ботинки и выскочил следом.

— Я с тобой, подожди! — крикнула Надя.

Сергей остановился и посмотрел на нее.

— Ты там будешь лишняя.

— А ты? — зло произнесла она.

Не найдя, что ответить, Сергей спустился в подъезд, деревянный пол которого гулко отзывался на каждый шаг.

* * *

На улице уже стемнело. Плотный полог туч накрыл город, намекая на продолжение снегопада. Двигаясь по узкой тропинке, Катерина оступилась и рухнула в сугроб, но быстро встала и, не отряхиваясь, продолжила путь к машине. Сергей ускорился и нагнал ее, когда она уже щелкнула брелоком сигнализации и открыла водительскую дверь.

Запрыгнув на переднее пассажирское сиденье, Сергей повернулся к Катерине:

— Вы уверены, что можете вести машину?

Запустив двигатель, она на миг крепко сжала рулевое колесо, затем расслабилась и откинулась на мягкую спинку кожаного кресла. Снег с ее брюк медленно сползал на коврик.

— Все в порядке.

Лобовое стекло не успело оттаять, когда Катерина перевела селектор коробки передач в режим движения и начала выворачивать на дорогу. В этот момент из калитки выбежала Надя, и ее едва не сбили.

— Осторожно! — произвольно крикнул Сергей.

Забравшись на заднее сиденье, Надя захлопнула дверь. BMW X6 сорвалась с места и, буксуя всеми четырьмя колесами, стала пробираться по заваленным снегом дворам к асфальтовой дороге. Некоторое время пассажиры ехали молча. Затем Сергей все же решил уточнить, куда они направляются:

— Это далеко?

— Нет. За городом.

Противоречия в своем ответе Катерина, похоже, не заметила. Район, где была временная резиденция журналистов, находился на окраине, и до пригорода оттуда было рукой подать. Но Катерина вела машину в противоположную сторону. Если она имела в виду другой конец города, то маршрут через центр займет куда больше часа.

Стоило им выбраться на асфальт, как Катерина тут же придавила педаль газа, и BMW устремилась вперед, сопровождаемая недоуменными взглядами других водителей. Машина скрежетала и вибрировала, всеми силами пытаясь сдерживать свою нервную наездницу, автоматически сглаживая хаотичные повороты руля и смягчая резкие перемены скорости на скользких поворотах. Сергей понимал, что еще немного — и либо они попадут в аварию, либо их задержит дорожная полиция.

— Катерина, успокойтесь! Так в городе ездить нельзя.

— Расслабьтесь, — раздраженно бросила она.

— Мы врежемся куда-нибудь! — испуганно предостерегла Надя.

В тот же миг машина резко сбавила скорость. Стрелка спидометра теперь показывала двадцать километров в час. Сзади грозно посигналил водитель белого кроссовера Mercedes.

— Вот так давайте будем ехать! — истерично вскрикнула Катерина.

Сергей смутился.

— Я хотел сказать, что лучше соблюдать правила. В ваших интересах доехать до Полины в целости и сохранности.

— Он не имел права ее забирать!

Мимо, беззвучно моргая проблесковыми маячками, промчалась полицейская машина.

— Хорошо... Извините, Сергей Павлович. Я не знаю, что на меня нашло.

Катерина отпустила руль и схватилась за голову. Она еле сдерживалась, чтобы не зарыдать. BMW окончательно встала. Четырехполосная дорога уходила прямо и взбиралась в гору, на которой раскинулся исторический центр. А здесь по обе стороны стояли одинаковые жилые многоэтажки из светлого кирпича, серые от грязи, летящей с оживленной улицы. Сергей нажал кнопку аварийки.

Красная машина с освещенным салоном и моргающими оранжевыми поворотниками была единственным ярким пятном на этом холодном вечернем полотне. По заснеженным тротуарам брели однообразные безликие фигуры. Черные, белые, серые машины, сливаясь в единое месиво, двигались по всем направлениям, занимая, как газ, все свободное пространство. Мрачные снежные тучи висели над городом, придавливая его жителей к земле. Даже пестрые вывески супермаркетов казались выцветшими и бледными. Еще не успели включить уличное освещение, и город постепенно тонул во мраке.

— Может, я поведу? — предложила Надя.

— В смысле? — удивился Сергей.

— Катерина сейчас вряд ли может вести машину.

— А ты можешь?

Надя недовольно прошипела:

— У меня вообще-то права есть!

Катерина вытерла рукавом слезы, схватилась за руль и выдохнула:

— Все в порядке. Доедем.

Медленно взобравшись на гору, BMW покатила дальше, заметно растеряв пыл. Катерина теперь ехала даже излишне аккуратно, плетясь

в правом ряду, предназначенном для общественного транспорта, и пропуская выезжающие из дворов машины.

До здания гимназии они не доехали, свернули на квартал раньше. Прежде Сергей иногда ходил этой дорогой, чтобы немного проветриться. Вот синий забор из профлиста, сплошь заклеенный объявлениями, за которым строят очередную жилую «свечку». А вот и остановка, где Сергей обычно садился на автобус...

— Тебе звонят, — подсказала Надя.

— Знаю. Но мне же нельзя отвечать.

Сергей отключил мелодию и оставил звонок без внимания. На ходу его, конечно, вряд ли отследят, но рисковать ему не хотелось.

BMW спустилась с горы и выехала на дорогу, проложенную вдоль реки. Оттуда было недалеко до кольцевой. Катерина вела машину без навигатора, а значит, местность была ей очень хорошо знакома. По кольцевой они уже снова ехали быстро, пока не свернули на областную трассу. Сергей знал этот отрезок маршрута: накануне они с матерью и Олегом ехали по нему в Кучмазово. Вскоре Катерина еще раз повернула налево, в лес. Фары BMW не только хорошо освещали саму дорогу — двухполосную, недавно чищенную, — но и захватывали лучами обочину, где плотно жались друг к другу старые сосны.

Вскоре лес прервался большой проплешиной. Дорога уходила дальше, но BMW повернула к высокому кирпичному забору, которым был огорожен солидного размера участок. Вдалеке виднелась деревянная крыша коттеджа, замысловатая, резная. Путь преградили закрытые ворота.

Катерина нервно нажала на ступицу руля, и машина издала два рваных сигнала. Из боковой калитки показался охранник. Он был одет в камуфляж, но не военный, а скорее охотничий или рыбацкий.

— Здравствуйте, Катерина Станиславовна.

— Открывай! — грубо ответила она.

Охранник заглянул в салон и остановил взгляд на Сергее.

— Это кто?

— Со мной.

Ворота отъехали в сторону, и взору открылся огромный двор, ярко освещенный множеством фонарей. Чего тут только не было! Дорогу обрамляли высаженные через равные промежутки пихты, по правую руку виднелся замерзший овал небольшого озера, окруженного деревянными беседками. Чуть поодаль, накрытый брезентом, был бассейн со сложными под навесом шезлонгами. На большой парковке стоял десяток автомобилей самых разных марок и стоимости. Слева метров на пятьдесят растянулась летняя веранда. Только теперь Сергей понял, что замысловатая крыша принадлежит не главному дому, а отдельно стоящему флигелю с резными наличниками, ставнями, узорчатым деревянным крыльцом. Главное же строение разместилось далеко в глубине участка.

Трудно было поверить, что кто-то может в одиночку или даже с семьей жить в таком здании. Оно выглядело скорее как санаторий или

пансионат, но не как жилой дом. Три этажа, белые стены, над входом широченный балкон, огражденный каменными перилами с балясинами, опирающийся на античные колонны. Монументальная лестница с высокими ступенями. Перед ней — выключенный на зиму фонтан. Дорога огибала его и возвращалась назад, к воротам.

Свет горел всего в трех окнах.

— Ничего себе! — выдохнула Надя на заднем сиденье.

— Что это за дом? — спросил ошеломленный Сергей.

— Усадьба купца Краева.

Справа от здания копошился маленький трактор, сгребая с газона к забору снежную кучу.

BMW остановилась возле лестницы. Круглые фонари на перилах тлеи приглушенным белым светом. Катерина выпрыгнула из машины и быстрым шагом устремилась вверх по крутым ступеням. Сергей поспешил за ней, на ходу прикидывая, насколько уместным будет его присутствие. Надя осталась в машине.

На верхних ступенях Сергей притормозил и остановился возле колонны, решив со стороны понаблюдать, что станет делать Катерина.

Она схватилась за массивную дверную ручку и дернула — дверь не поддавалась. Большие, в человеческий рост, стекла были изнутри плотно занавешены. Тогда Катерина нажала на звонок. Протяжная мелодия зазвучала где-то в недрах огромного дома. Сергея удивило само наличие этого звонка. Зачем он? Неужели сюда можно попасть без ведома хозяина? Охрана наверняка уже донесла...

— Катя?

Дверь распахнулась, и в проеме показалось невысокое толстое тело, обернутое в халат из темно-зеленого бархата.

— Отдай мою дочь!

— Твою?

Голова хозяина повернулась к колонне, блеснула лысина. Прищуренные глаза внимательно разглядывали стоящего поодаль человека.

— Хахаля своего нового привела? А... Очень интересно!

Ноги, обутые в серые меховые тапки, сделали шаг на крыльцо.

— Ты?

Сергей тоже шагнул вперед и посмотрел на Бокарова.

— Я.

Почетный гражданин города залился натужным смехом, с глухим свистом вырывавшимся из его маленького, как полузакрытый клапан, рта.

— Смешной ты человек, учитель! Что ты там пре-по-да-вал — английский? А считать тебя не научили?

— Где Полина? — перебила его Катерина.

— Помолчи! — крикнул Бокаров, затем опять повернулся к Сергею: — Давай я тебя научу.

Вынув из кармана мясистую руку с большим шрамом от сведенной татуировки, он начал карикатурно, кривляясь, загибать и разгибать пальцы:

— Раз.

Указательный палец выглядел неестественно коротким, как автоматная гильза.

— Два. — Теперь торчал еще и средний.

— Где моя дочь, Толя?

— Закрой рот, сука! — злобно прошипел Бокаров.

Он подошел еще ближе к учителю, поднес кулак с двумя оттопыренными пальцами прямо к его лицу. Борясь с желанием зажмуриться и отступить, Сергей продолжал стоять на месте, наблюдая за движениями противника. Безымянный палец выскочил из кулака, как на пружине.

— Три!

Сергей проглотил слюну. Бокаров опустил руку.

— Третье предупреждение. У тебя должна быть очень весома причина, чтобы появиться на пороге моего дома.

— Где Полина? — спросил Сергей.

— Тебе до нее какое дело, чучело?

— Так ведь это я, по-вашему, ее изнасиловал.

Во взгляде Бокарова зажегся звериный блеск.

Катерина завелась:

— Ты заставил ребенка оклеветать невинного человека! Заставил говорить гадости перед полицейскими! Как ей теперь жить? Какую травму ты нанес девочке!

— Как была ты душой, так и осталась. Я никого не заставлял. Она сама.

Лицо Катерины дернулось, как от удара. Взгляд холодно скользнул по Сергею. Его это испугало.

— Что ты несешь? — прорычала Катерина.

— А что? Не можешь поверить, что твой потаскун прикасался к нашей дочери?

Катерина рванулась к Бокарову с кулаками. Тот, не сходя с места, с размаху вплепил ей пощечину. Женщина повалилась на бетонный пол. Сергей хотел ей помочь, но не мог с собой ничего поделаться — ноги одеревенели.

— Что? Нашла себе помоложе?

Встав, Катерина прислонилась к стене возле входной двери. Она ни на кого не смотрела, лишь держалась рукой за место удара.

— Если бы он хоть пальцем тронул дочь — давно бы в канаве гнил!

Сморкнувшись в большой синий платок, Бокаров продолжал:

— Людьюми легко управлять. К каждому можно найти подход и заставить сделать что угодно. А уж к ребенку... Но ты плохо меня знаешь, Катя. Я не такой.

— Ты чудовище, Бокаров.

— Какое я чудовище, если Полина с радостью приняла мое предложение, наплевав на твои звонки? Хороша мать!

Ветер засвистел между колоннами, и резкий вихрь ворвался на крыльцо, сдувая с высоких перил снежную пыль. Низ халата раскрылся,

оголив неуклюжие, кривые ноги кандидата в губернаторы, все в синяках и следах от укусов. Сергей закашлялся.

— А ты... Кем ты себя возомнил? Кто ты вообще? — спросил Бокаров.

— Учитель английского, — твердо сказал Сергей.

Бокаров опять двинулся к нему.

— Ты никто! Думал взять моего сына на понт своими оценками? Меня взять на понт?! Жалкий недомерок!

Набрав воздуха в легкие, Сергей ответил:

— Жалок тот, кто не умеет решать проблемы без мордобоя и чиновничьего произвола. Таких детей, как ваш Марк, сотни. Таких родителей, как вы, — десятки. И что, каждый будет руки распускать?

Бокаров засмеялся:

— Поверь, я такой один. А вот вас, баранов, везде полно. Если бы ты не уперся в эту оценку, то я даже не узнал бы о твоём существовании. Но нет — принципы у него! И куда привели тебя твои принципы?

— Это моя работа.

Нос Бокарова покраснел от мороза, глаза слезились. Но отступать он не собирался.

— Мыть парашу теперь твоя работа! Думал меня статейками запугать? Журналисты твои такие же идиоты. Наивно полагают, что их «правда» влияет на мнение горожан. А я тебе скажу, что действительно влияет. Деньги! Скажут три раза по телевизору, что ты хороший, — и все тебе руки будут целовать!

Сергей почувствовал спиной колонну. Бокаров приближался и постепенно теснил его. Катерина молча слушала.

— Только конченный человек, чтобы отомстить врагу, трогает его родных! — заявил Сергей, имея в виду увольнение матери.

— Это мой город! Здесь я решаю, какие методы хороши. Я тебе ясно дал понять, что будет. Но нет — ты связался с этими полудурками, полез ко мне на завод. Так что о матери своей не плачь. Сам виноват.

Сергей сделал полшага вперед и оказался совсем близко к Бокарову. Кандидат в губернаторы был на голову ниже и в целом не выглядел опасно, вызывая своим видом лишь брезгливое отвращение.

— Не считайте себя самым умным. У меня тоже найдется пара тузов в рукаве.

Бокаров залился смехом, только теперь уже вперемешку с кашлем и соплями. Морозная погода давала о себе знать. Даже Сергею было зябко, а уж ему в халате — подавно. Но человек этот сдаваться не привык.

— Хочешь, я тоже поставлю тебе оценку? Не «три», не «два». Ты — ноль. Когда я стану губернатором, то уж, поверь моему слов...

— Я не ноль!

Размахнувшись, Сергей со всей силы ударил Бокарова кулаком в морду.

От неожиданности тот разинул рот, отшатнулся и, наступив пятками на халат, рухнул к ногам Катерины. Та недоуменно вскрикнула и зачем-то бросилась его поднимать.

— Сережа! Не надо! — По высоким ступеням лестницы бежала, спотыкаясь, перепуганная Надя. Судя по всему, она давно вылезла из машины и наблюдала за происходящим со стороны. Но теперь решила, что пора вмешаться.

— Ты на кого руку поднял, чучело!

Разъяренный Бокаров бросился на Сергея. Лицо его было багровым от ярости, а глаза едва не вылезали из орбит.

— Толя, пожалуйста... Не трогай его! Толя!

Катерина повалилась на колени и обвила руками ноги Бокарова. Со двора мгновенно прибежали несколько охранников, схватили Сергея за шиворот, бросили на бетонный пол и заломили ему руки. Он вскрикнул.

— Сергей Павлович?

В светлом проеме входной двери образовались два детских силуэта. Полина держала в руках большую куклу с длинными африканскими косами, в синей юбке и зеленой рубашке с сетчатыми рукавами. Позади Полины стоял Марк Бокаров. Он глупо, непонимающе улыбался.

— Надежда Андреевна?

Дети наверняка не ожидали увидеть на пороге этого дома школьных учителей, поэтому ступешались и не знали, как себя вести.

— Полина? Полиночка!

Катерина поднялась с колен и побежала к дочери. Было видно, что та не очень ей рада.

— С тобой все в порядке? Почему ты не отвечала на телефон?

Девочке явно было стыдно, и она с трудом подбирала слова:

— Н-нормально всё, мам...

Бокаров огляделся. Охранник, который держал Сергея, вопросительно смотрел на своего босса. Тот махнул рукой:

— Свалите.

— Анатолий Викторович, все в порядке?

— Исчезните, я сказал!

Охранники медленно отошли, спустились по лестнице, но крыльцо из виду не выпускали.

— Сколько тебе лет, чтобы в куклы играть? — спросила Катерина свою дочь.

Та начала тихо рыдать. Катерина обняла девочку.

— Тебя заставляли говорить гадости в полиции?

Полина отрицательно покачала головой.

— Что стоите на холоде? В дом ее уведи, — скомандовал Бокаров сыну.

Тот взял сестру за плечи и развернул к двери. Катерина запротестовала, не желая выпускать Полину из объятий:

— Стой! Я не отдам тебе дочь. Марк, остановись!

— Успокойся, дура. Иди внутрь, там поговорим.

Надя стояла возле Сергея. Он держался за ноющее после крепкой хватки охранника запястье и ждал, чем все кончится.

— Чтобы завтра утром тебя в городе не было, — процедил Бокаров.

Его голос звучал хрипло, зубы еле слышно стучали.

— А я думаю, мы квиты, — сказал Сергей.

Разозлившись, Бокаров снова пошел было в наступление, но его опять остановила Катерина. Она отпустила дочь и закрыла собой учителя:

— Не трогай его!

— Пошла в дом!

— У тебя уже зуб на зуб не попадает. Вышел в халате на мороз!

Сейчас заболеешь.

Бокаров немного подумал и отошел. Уже возле двери он крикнул Сергею:

— Больше никаких предупреждений! — и скрылся за стеклом, плотно завешенным шторами.

— Держите ключи, — быстро заговорила Катерина, доставая из кармана увесистый брелок с логотипом BMW. — Уезжайте отсюда! Я попробую с ним поговорить...

— Куда? А вы?

— Разберусь. Не в первый раз.

Надя потянулась за брелоком, но Сергей ткнул ее локтем в бок:

— Мы дойдем до трассы и вызовем такси.

На улице тем временем давно была темень.

— Хорошо. Я попробую с ним поговорить, — повторила Катерина. —

Но вы все равно будьте осторожны. Не попадитесь полиции.

— Спасибо, — сказал Сергей.

Дорога до ворот оказалась длиннее, если идти пешком. Трактор, что до этого копошился возле усадьбы, успел уехать вперед и медленно собирал снег с тропинок вдоль пихт, утрамбовывая его в большую кучу. Сергей оглянулся — на расстоянии метров в тридцать за ними шли два охранника: один в рыбацком камуфляже, другой в темной куртке и брюках. Видимо, следили, чтобы они не свернули куда не надо.

— Чего ты оглядываешься? Пошли! Нам надо быстро уходить, — поторопила Надя.

— Побываешь ли ты еще когда-нибудь в подобном месте?

Она взяла его под руку и потянула к воротам:

— Век бы не бывать!

Ворота для них никто не открыл. Пришлось идти через узкую боковую дверцу рядом с будкой, где стояли мониторы и сидел охранник. В таком домовладении требовалось контролировать каждый угол.

Выйдя за забор, Сергей почувствовал некоторое облегчение. Теперь нужно было добраться до трассы, потому что на этой проселочной дороге шансы вызвать такси или поймать попутку были призрачными.

За пределами усадьбы сразу стало темно. Вокруг был лес, и даже луна почти не помогала. Без фонарика не сдвинешься с места.

— У тебя есть интернет?

— Сейчас посмотрю... Вроде да, — сказала Надя, показывая экран телефона.

Взяв холодный аппарат в руку, Сергей открыл приложение с картой. Бегло пролистал окрестности, чертыхаясь оттого, что сенсор не всегда срабатывал от нажатия его пальцев.

— Вот, смотри...

Сзади послышался металлический лязг. Ворота открылись, и из них выехал черный внедорожник Toyota старой модели. Он ярко осветил окрестности огромными фарами, затем резко ускорился и через минуту оказался рядом с учителями, которые не успели далеко уйти. Надя испуганно схватила Сергея за рукав. Водительское стекло опустилось — за рулем сидел худощавый мужик с короткой стрижкой и гладко выбритым узким лицом.

— Здравствуйте, Геннадий Антонович.

Мужик кивнул:

— Садитесь, я вас довезу.

Ничего не понимающая Надя шепотом твердила «не надо», дергая Сергея за рукав. Но он молча открыл заднюю дверь машины, помог девушке забраться на высокий порог и сам запрыгнул следом. Странно, но именно в этот момент ему было приятно встретить отца Лены.

— До города не смогу. Но на трассе остановка должна быть.

— Тут рядом вроде есть железнодорожная станция, — сказал Сергей, глядя на карту. — Куда ведет эта ветка?

Геннадий Антонович задумался.

— На Светлов, кажется.

— Можно нас туда?

Надя вполголоса спросила:

— Зачем?

— В город возвращаться нельзя. Переждем в деревне.

Внедорожник свернул в противоположную от трассы сторону и поехал по узкой двухполосной дороге. За усадьбой Краева она была расчищена слабо, но четыре ведущих колеса и высокий клиренс автомобиля позволили ехать по ней как летом. Турбина жадно всасывала морозный воздух и свистела, за тонированными стеклами мелькали силуэты согнувшихся под тяжестью снега деревьев.

— Ты знаешь расписание электрички? Может, она завтра только поедет, — поделилась своими опасениями Надя.

— Ничего. В крайнем случае вызовем такси.

Геннадий Антонович усмехнулся:

— Не думай только, что в такую жопу к тебе быстро приедут.

Сергей и не думал. Для него самым главным было не попасться полиции. Он чувствовал, что лед тронулся и скоро все изменится. Может, выход видеосюжета вызовет скандал. Или Катерина уговорит своего бывшего ухажера не позориться и перестать в преддверии выборов сводить счеты с обычным учителем английского. В любом случае так дальше продолжаться не могло.

Дорога вывела машину на открытое пространство. Большая оранжевая луна освещала окрестности, не давая им совсем утонуть во мраке.

Вокруг некоторое время виднелись только бесконечные поля, и лишь раз их болезненная белизна прервалась пустырем, на котором чернели руины бывшего совхозного свинарника и торчали ржавые опоры элеватора, распиленного на металл предприимчивыми местными. Наконец Toyota проехала через небольшую деревеньку, дворов в двадцать, и оказалась перед длинным одноэтажным зданием вокзала. Оно было деревянным и в довольно неплохом для своего возраста состоянии. К счастью, руки горе-реставраторов не успели облепить его стены дешевой пластиковой скорлупой. Высокие окна зала ожидания неярко светились.

— Ты хороший парень, Сергей.

— Спасибо, что подвезли. — Имярек уже собирался вылезти из машины вслед за Надеей.

— Но все-таки Лене нужен человек попроще.

Сергей замер на мягком кожаном сиденье.

— Это ведь вы ее против меня настроили?

Геннадий Антонович повернул салонное зеркало, чтобы лучше видеть собеседника.

— Да, ведь я подумал, что ты кретин и влез в это дело из-за жадности или тупости. И потом, если бы босс узнал, что ты встречаешься с моей дочерью, меня бы уволили.

— Видимо, не узнал.

Салон постепенно выхолаживался. Надя снаружи могла слышать их разговор, несмотря на ворчание двигателя.

— Но тогда, на заводе, я понял, что был неправ. У тебя есть достоинство, принципы, ради которых ты готов идти до конца.

Сергею нечего было сказать. На заводе он скорее выглядел жалким щенком, которого от скуки возили мордой по снегу и пинали.

— А сегодня ты показал, что у тебя есть яйца! Вмазать Бокарову — это надо иметь стальной мешок между ног.

Получается, и отец Лены все видел. Не крыльцо господского дома, а театральная сцена.

— Он меня первый ударил — тогда, в гимназии, — напомнил Сергей. — Я ему просто вернул должок

— Вот так и поступают настоящие мужики.

Сергей вылез из машины, захлопнул дверь, и черная Toyota, развернувшись, уехала в обратном направлении.

Внутри вокзала оказалось подозрительно тихо. Тусклый свет, запах сырости, пустые деревянные скамьи зала ожидания... Оба окна с надписью «Касса» были зашторены. Сергей вдруг понял, что никуда они отсюда не уедут.

— Вам чего? — Из подсобки вышла невысокая пожилая женщина лет семидесяти в вязаной кофте, юбке поверх шерстяных колготок и калошах.

— Билет купить, — ответила Надя.

— Касса работает до трех.

Старые электронные часы над входом показывали половину восьмого.

— И что нам делать?

Женщина громко, словно находилась в оживленном помещении и старалась перекричать невидимую толпу, заявила:

— Купите у кондуктора! Вам куда?

— До Кучмазова, — сообщил Сергей.

Резко сбавив громкость, женщина произнесла:

— У, тут рядом. Без билета проедете.

Главное — уехать, а уж за деньги или нет — вопрос десятый. Остаться на ночь не пойми где их совсем не прельщало.

— Последняя электричка в девять, — сообщила женщина и ушла обратно в подсобку. Оттуда доносились звуки телевизора.

— Еще целых полтора часа, — с досадой заметил Сергей.

Присев на скамью, учителя стали считать минуты до прихода электрички. В зале ожидания было прохладно, поэтому верхнюю одежду они снимать не рискнули. Старые неоновые лампы монотонно гудели, из-за двери подсобки доносились скандальные возгласы гостей какого-то ток-шоу. Настоящих, живых людей на вокзале больше не было. Даже удивительно, как этой женщине не страшно сидеть тут одной.

Зеленые цифры на табло сменялись невыносимо медленно. Время словно остановилось в этом забытом всеми месте.

Сергея начало клонить в сон, но удобно разместиться на жесткой деревянной скамье никак не выходило. Вдруг раздался протяжный свист, и вокзал задрожал. В больших пыльных окнах, которые выходили на платформу, пронесся яркий прожектор локомотива. За электровозом быстро семенили грузовые вагоны, колесные пары громко стучали на стыках рельсов. Стекла в разохшихся рамах вибрировали им в такт. Сергей вышел на улицу и посмотрел вслед уходящему составу.

— А ветка-то оживленная! Видишь, как шпарит?

Надя, которая вышла с ним, молча кивнула, зевая.

— Представь, вот на таком товарняке уехать куда-нибудь! Запрыгнуть в вагон, и никакой электрички ждать не надо.

— Не дури.

Поезд проехал, и взгляду открылась дальняя часть станции. Перед вокзалом было всего четыре пути. Дальний, тупиковый, использовался для отстоя неприцепленных вагонов. Там их скопилось десятка два, погребенных под толстым слоем снега. Единственный семафор горел красным. Маленькое здание, похожее на сарай, стояло без дела — к нему даже не было натопанной тропинки.

Сергей с Надей вернулись в зал и снова сели на скамью. До электрички оставался еще час. Сами того не заметив, они склонились друг к другу и уснули, переполненные впечатлениями этого долгого дня.

— Алё, молодежь! — Женщина в вязаной кофте быстро шлепала калошами по залу ожидания и кричала. — Стоянка две минуты!

Сергей вздрогнул. Еще не до конца проснувшись, он схватил за руку Надю, и они выбежали на платформу. Машинист уже дал

предупредительный свисток и готовился закрыть двери. Взлетев в последний вагон по скользким ступенькам, Сергей отпустил Надину руку и откашлялся. Перед глазами снова замельтешили красные пятна, а голова закружилась так, что начало тошнить.

— Еле успели, — произнесла Надя, жадно вдыхая прокуренный воздух тамбура.

— В нашем возрасте... так резко вставать нельзя... — сострил Сергей и вдруг сообразил, что Наде шутка о возрасте может не понравиться.

Вагон оказался совершенно пустым, и они спокойно уселись возле окна. Голова Сергея налилась тяжестью и неприятно побаливала, спать больше не хотелось, да и нельзя было: станция Кучмазово буквально через пару десятков километров. А вот Надя сразу отключилась, стоило только ей положить голову Сергею на плечо.

Электричка ехала медленно, плавно качаясь, как прогулочный катер. Сквозь покрытые инеем стекла виднелась лишь чернота, снизу что-то периодически противно лязгало. Возле дверей в тамбур на стене разместился экран, где беззвучно крутилась реклама туристической фирмы, магазина одежды с неправдоподобно низкими ценами и еще чего-то, что Сергей не смог, да и не захотел разобрать.

Раньше они с матерью часто ездили по этой ветке. Добираться из города до Кучмазова на электричке было быстрее и дешевле. Потом появились автобусы, затем — микроавтобусы. До остановки стало ближе, чем до вокзала. Так или иначе, Сергей уже очень давно не ездил в деревню по железной дороге, и его радовало, что маршрут вообще сохранился.

— Станция Кучмазово, — хрипло произнес динамик записанную фразу.

Дернув плечом, Сергей разбудил Надю, и они поспешно выбрались на платформу.

Никакого вокзала тут, конечно, не было. Только неказистый полустанок и доска объявлений, где поверх старого расписания электричек были наклеены новые бумажки. До самой деревни еще предстояло идти: в свое время железную дорогу протянули в нескольких километрах от нее. Это при том, что вокзал, куда Сергея и Надю подбросил отец Лены, вообще стоял посреди чистого поля, а здесь ближайшая к полустанку деревня по сравнению с Кучмазовом — крохотное поселение. Видимо, сто с лишним лет назад ситуация была иной.

— Нам долго идти? — спросила Надя сонно.

— Минут двадцать.

Сергей ни разу не приезжал сюда зимой. Тем более ночью. Окрестности казались ему незнакомыми, хотя заблудиться тут было трудно: иди себе по единственной дороге — не ошибешься. Яркая луна приблизительно обрисовала контуры обочин, за что Сергей был ей благодарен. Какое-никакое освещение начиналось лишь в самой деревне.

Топать пришлось, конечно, куда дольше двадцати минут. Огни на горизонте все никак не хотели приближаться, вокруг на сотни метров —

только поля и звенящая морозная тишина. Каждый шаг по снегу казался очень громким. Днем возле станции дежурили таксисты, поджидая пассажиров с электрички, но теперь рассчитывать приходилось только на себя. Конечно, можно было позвонить тете Оле, чтобы ее муж приехал за ними, но сейчас, будучи в розыске...

— А забрать нас никто не может? — спросила Надя, в очередной раз прочитав мысли Сергея.

— Есть, но меня ведь прослушивают.

Она достала из кармана телефон.

— Да я и номер не знаю...

— Позвони маме.

Надя была настроена серьезно — видимо, устала. Сергей сдался, взял телефон и набрал мамин номер.

— «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети...»

— М-да, связь тут, конечно, не очень.

Остаток пути они прошли молча. Под маленьким железным мостом журчала речка Бурынка. В ширину она была метров десять, но сильное течение не давало ей полностью замерзнуть. На подходе к деревне стал слышен лай собак, и это подбодрило: значит, почти пришли.

Скоро Сергей с Надей оказались на главной улице и прошли мимо памятника Ленину. Небольшой сквер возле него был аккуратно расчищен. Окна во многих домах еще светились, а самым ярким источником света был фонарь на продуктовом магазине «Эльмира».

Сергея всегда удивляло, почему в Кучмазове не могли сделать нормальное централизованное освещение. Местные жители давно привыкли и никакой инициативы по части установки фонарей не проявляли.

В темноте нарисовался силуэт трансформаторной будки. Ее монотонный гул был в ночной деревне самым громким звуком. На повороте в Садовый проезд сильно запахло гарью, словно совсем рядом жгли костер. Дорога к дому была хорошо утрямбована — недавно тут проезжал грузовик.

Вдруг Сергей остановился, будто натолкнулся на невидимую стену.

— Что? — непонимающе спросила Надя.

— Д-дом...

На том месте, где еще вчера стоял их крепкий деревенский дом, теперь было пепелище. Черные доски, раздавленный синий забор, какие-то закопченные обломки, разбросанные вокруг. И только кирпичная труба печи была на своем месте, возвышаясь над неряшливой кучей обугленных головешек.

— Господи... — выдавила из себя Надя.

Сергей рванулся в сторону. Он бежал в соседний дом, к тете Оле, не разбирая дороги. Несколько раз чуть не упал. Распахнув калитку, быстро взбежал на крыльцо и затарабанил в дверь. Свет в доме горел, но открывать хозяева не торопились.

— Кто? — послышался наконец приглушенный голос дяди Пети.

— Это я! Сергей!

Дверь нехотя открылась, и он влетел внутрь, едва не сбив дядю с ног. Заглянул в комнату. По телевизору шел отчетный концерт звезд эстрады. Тетя Оля сидела на диване, а Вадик пристроился рядом, уткнувшись в планшет.

— Сережа!

— Где мама?

Сзади послышался голос дяди Пети:

— Я тебе целый день пытаюсь дозвониться...

— Теть Оль! Где мама?! — закричал Сергей.

Слов у тети Оли не нашлось. Она смотрела на племянника, и слезы лились из ее больших, увеличенных стеклами круглых очков глаз. Вадик поднял голову от планшета и тоже молчал.

Дядя Петя положил руку Сергею на плечо:

— Это ночью случилось. Мы едва успели во двор выскочить. Дом сразу вспыхнул, не подойти... Хорошо, газ вовремя перекрыли — а то бы рвануло все...

Объяснения дяди Пети волновали Сергея мало. Он и слышал их плохо, будто слова доносились через большую металлическую трубу, превращаясь в неразборчивое эхо. В комнате потемнело, неказистая обстановка начала уплывать из виду, в грудную клетку словно налили ведро раскаленного железа. По телу прошла холодная дрожь. Вся дневная усталость навалилась вдруг разом, и организм дал сбой. Сергей сделал было шаг к креслу, ноги подкосились, и он рухнул на пол. Деревянные половицы под его весом скрипнули, на шифоньере зашаталась расписная ваза с искусственными розами и пластиковая фигурка неандертальца, держащего над головой дубинку.

Дядя Петя принялся поднимать Сергея, но тот вцепился замерзшими руками в пыльный ковер и, уткнувшись в него лицом, тихо выл, широко раскрывая рот в беспомощном, беспросветном отчаянии.

По телевизору надрывно тянул надоевшую песню известный эстрадный исполнитель преклонного уже возраста, с изрядно наштукатуренным лицом. Зал, как заведенный, рукоплескал своему кумиру.

* * *

Следующие несколько дней походили на дурной сон, который все никак не хотел заканчиваться. Сергей ничего не чувствовал, почти ничего не говорил и совершал необходимые действия механически, мало их осознавая.

От него, впрочем, много и не требовали. Организацию похорон взяла на себя тетя Оля и сделала все максимально четко и быстро. Кучмазовское кладбище стало последним пристанищем для множества родственников Сергея, поэтому вопроса о выборе места захоронения не возникло. По понятным причинам покойницу хоронили в закрытом гробу. На церемонию пришло около двадцати человек: друзья детства из деревни, коллеги

с почты да Машка, соседка по лестничной клетке, работавшая в поликлинике. Поддержать Сергея прибыла в полном составе редакция «ЖБГ»: оператор Игорь, Валя, Аня и Кирилл, на чьей машине ребята и добрались. Но, конечно, первым приехал Олег на своей «калине».

Так уж получилось, что единственным храмом в деревне была громадная неоготическая кирха — память о живших тут когда-то немцах, с началом войны выселенных куда-то не то в Казахстан, не то в глубь Сибири. Здание десятилетиями не использовалось по назначению, пол внутри был разобран, а потолочные своды грозили вот-вот обрушиться, поэтому отпевание решили провести снаружи. Тетя Оля ехать в соседнюю деревню наотрез отказалась, поэтому сделали иначе — привезли оттуда попа.

Небольшая группа людей окружила закрытый гроб и хмуро слушала погребальный чин, не понимая и десятой доли звучащих слов. Шальной зимний ветер трепал рясу и епитрахиль, отчего попу приходилось то и дело их поправлять.

Сергей глядел на происходящее пустым взглядом. Некогда пугавшее его массивное готическое строение теперь не вызывало никаких эмоций.

— Это ведь точно поджог! Неужели вы не понимаете? — сказала Валя, когда они уже сидели за поминальным столом, накрытым в спортзале единственной деревенской школы.

Говорила она «вы», но обращалась в основном к Олегу, как представителю полиции.

— Девушка, давайте *сейчас* об этом не будем! — раздраженно осадил ее тетя Оля.

Присутствующие по очереди поднимались, говорили об усопшей что-нибудь хорошее, вспоминали, какой она была.

Сергей смотрел на это, видел лишь открывающиеся рты, а слова если и доносились, то будто откуда-то издалека, и он совершенно не вслушивался в содержание произносимых речей. Им овладела не просто скорбь, а какое-то болезненное разочарование в собственной жизни. Никто не знал, какие мысли кружили в его голове после потери матери, единственного родного человека, но, видимо, выглядел он настолько потрясенным и раздавленным, что его старались не трогать. Даже соболезнования выражали полупшепотом или кивком.

После поминок, когда посторонние уже разошлись, а родные с немногими друзьями возвращались к тете Оле, Сергей вдруг остановился на повороте, возле проезда, который вел к дому.

— Я... не пойду, — сказал он тихо.

— Сережа, я думала, еще у нас посидим. По-родственному, своим кругом... Как же? — растерялась тетя Оля.

Надя взяла инициативу в свои руки:

— Я думаю, ему лучше к... этому месту не подходить.

Ненадолго повисла пауза.

— Ладно, хорошо... Вы поехали?

— Да, спасибо за все, — ответила Надя.

Тетя Оля махнула рукой:

— Что ты! За такое не благодарят.

В «соболь» все не поместились, поэтому Сергея и Надю взялся подвезти Олег. В последний момент к ним в машину запрыгнула Валентина.

В пути она снова подняла важный для нее вопрос:

— Полиция будет заводить дело?

— Уже завела, — нехотя сообщил Олег. — Но я к этому непричастен.

— Почему? — удивилась Надя.

— Этим областной отдел полиции занимается. Пожар же не в городе произошел.

Валя взвилась:

— Дураку понятно, что это сделал Бокаров!

— В полиции не дураки, — отрезал Олег, словно отмахнулся от назойливой мухи. — Там доказательства нужны.

На какое-то время аргументы у журналистки кончились. Она притихла на переднем сиденье и глядела в окно, размышляя. Чтобы немного разбавить тягостное молчание, Олег включил радио. В колонках тихо забренчала музыка.

— Мне кажется, после такого Бокарову не отвертеться.

— Какого «такого»?

Валя обернулась и посмотрела на Надю, будто та свалилась с луны.

— Сюжет с твоей видеозаписью зашел так, что лучше быть не может. Мгновенно об этом написали все местные газеты! Сейчас это тема номер один. И гляди, даже дело, сфабрикованное против Сергея, сразу закрыли «за отсутствием состава преступления». Разве это не лучший момент, чтобы добить Бокарова контрольным в голову? Поджог и убийство, пусть даже непреднамеренное, — куда уж серьезнее!

Журналистка рассуждала так, словно играла в настольную игру и переставляла фишки. Азарт — вот что ею владело и вело ее вперед. Она снова готова была рисковать — собой, другими...

Ни Сергей, ни Надя не знали, что сюжет вышел. Не до него им было в последние дни. А закрытие дела... Сергей подозревал, что это заслуга Катерины.

— Его отказ от участия в выборах — вопрос времени. Больше всего эти люди не любят негативного информационного фона. А сейчас кандидата, который ударил учителя, обсуждает весь город.

— Выставили парня клоуном и рады, — хмыкнул Олег.

— Мы к этому столько шли, что можно и порадоваться с чистой совестью. Значит, все было не зря.

Тут Сергей не выдержал:

— Что? Что не зря?!

Надя схватила его за руку, чтобы успокоить.

— Сюжеты не зря? На заводе меня избили не зря?

— Я не... — начала было Валя.

— Да если бы не вы с вашей «правдолюбивой» журналистикой, то ничего бы не случилось! И мама осталась бы жива! Я из-за ваших сюжетов отвез ее в деревню! Чтобы... чтобы спасти! — Голос у Сергея сорвался.

— Вообще-то, это ты решил поставить двойку сыну Бокарова. Так что в первую очередь винов...

— Заткнись!!!

Валя замолчала, осознав, что позволила себе лишнее. Она никогда не видела Сергея в таком состоянии и растерялась.

— Сережа, тише... — Надя сжала его руку.

— Не трогай меня! Ты... ты дура! — Он высвободил кисть. — Трусливая дура! Отдай ты флешку сразу, ничего бы... — Он закашлялся. — Ничего бы не случилось! Все могло бы пойти иначе!

Сергей бросил на Надю такой злобный взгляд, что она вздрогнула и отшатнулась. Это был не тот человек, с которым она работала в гимназии. Не уверенный в своей правоте, бескомпромиссный профи, который ходил по коридору с высоко поднятой головой и мечтал стать совершенным. Не ехидный коллега, шутивший над тем, как она ставила всем подряд хорошие оценки, избегая конфликтов. Сейчас рядом с ней сидел человек, утративший стержень своей личности. Потерявший смысл жизни.

— Ну, Серег, не надо уж так... — попробовал вмешаться Олег.

— Я всех вас ненавижу!

Отвернувшись к окну, Надя еле сдерживала слезы. В машине повисло такое тяжелое, гнетущее молчание, что, казалось, оно, как избыточное давление, вот-вот выдавит наружу всех, кто был в салоне. Даже веселое бляение приемника не спасало. Скорее наоборот — еще больше натягивало нервы. Олег убавил громкость почти до нуля и, тяжело вздохнув, стиснул руль двумя руками. Черная «калина» проехала только половину пути до города.

Когда выбрались на кольцевую дорогу, тишину нарушил звонок Валиного телефона.

— Что? — переспросила она громко.

И, закончив разговор, поделилась информацией со всеми присутствующими:

— Бокарова отстранили от участия в выборах! И завели на него дело. Правда, о коррупции...

Новость эта не вызвала никакой реакции. Боролись-то они за справедливость, а не за желание утопить человека любой ценой. Даже если в чем-то и была их заслуга, то только в создании информационного повода. Все остальное наверняка сделали конкуренты Бокарова в бизнесе и выборной гонке.

Когда «калина» остановилась возле знакомого подъезда, Сергей вышел из нее, ни с кем не попрощавшись. Надя осталась в машине.

Время близилось к вечеру, и на лестничной клетке, по заведенному сценарию, снова собралась группа алкашей. От них пахло спиртом, потом и давно не стиранными тряпками, но Сергей не обратил на это внимания.

Ткнул в кнопку лифта, дождался приезда неторопливой кабины и поднялся на свой этаж.

Открыв дверь квартиры, он снял куртку, аккуратно положил ботинки на обувную полку и, не включая света, вошел в зал. Сел на диван рядом с креслом, где обычно сидела мама. Часы на стене тихо щелкали, отсчитывая секунды. Где-то на улице отчаянно буксовала застрявшая в сугробе машина. Включился холодильник и привычно задрожал, передавая вибрации батарее.

На стене висела большая картина в позолоченной раме, изображавшая летний деревенский двор и белую церковь с блестящим куполом на горизонте. С серванта на Сергея смотрели семейные фотографии. На них была запечатлена беззаботная детская жизнь: первое сентября, деревенские будни, обед на кухне. На одном из снимков Сергеем было, наверное, года три. Он сидел на коленях у матери и большой ложкой ел кашу из цветастой тарелки. С дивана не было видно деталей, но каждую фотографию Сергей и так помнил наизусть. На соседнем кадре — почтовое отделение и мама, еще молодая, на месте оператора. Она широко улыбается...

Не в силах больше сдерживаться, Сергей завыл, схватил себя за волосы и попытался их вырвать. Телесная боль немного облегчила внутреннюю — но всего лишь на минуту. Сердце бешено колотилось, кровь неровным ритмом пульсировала в висках. Кулаки вскоре онемели, так сильно он их сжимал. Но страшнее всего был ненасытный червь вины, казалось, выгрызавший Сергеем внутренности и не желавший выбираться наружу. Сергей мог вслух обвинять в случившемся кого угодно, но втайне понимал, что причиной всех свалившихся на него бед был он сам.

Неужели он действительно такой самонадеянный эгоист? Как он позволил уязвленной гордости настолько затмить его разум? Вся эта показная героика, весь этот спектакль — ради чего? Кому и что он хотел доказать? Себе — что он не ноль, не пустое место? Ну и как — доказал?

— Ну и что ты себе доказал?! — крикнул Сергей своему блеклому отражению в темном экране телевизора.

Ответа, естественно, не последовало.

Сергей вдруг со всей остротой почувствовал свое одиночество и беспомощность. Никто ему больше не даст совета, не предостережет от плохих поступков. Он теперь один в целом мире — никому не нужный учитель, из гордости искалечивший свою судьбу. Да, в конце концов он вышел из этой истории живым. Но нужна ли ему она — такая жизнь?

Сергей посмотрел на балконную дверь. Ведь все можно решить раз и навсегда... Раньше ему такая мысль даже не пришла бы в голову. Но теперь, обессиленный, раздавленный горем и виной, он медленно поднялся с дивана и ступил босиком на холодный пол застекленного балкона. «Все можно решить раз и навсегда!» — мысленно повторил он и распахнул балконное окно. Морозный воздух обжег носоглотку, порыв ветра сдул с жестяного отлива тонкий покров снежинок.

В доме напротив светились окна, люди занимались привычными вечерними делами. Одни ужинали, другие смотрели телевизор или играли

с детьми, трети бездельничали, раскинувшись в мягких креслах. За темными окнами тоже наверняка шла какая-то жизнь. Шум проспекта, отражаясь от домов, доносился до Сергея приглушенным эхо. Где-то завывала скорая, спеша на вызов. Прямо под окнами кто-то напевал матерную песню.

Сергей схватился за раму и попытался подтянуться на руках, чтобы встать на подоконник. Пластиковая обшивка балкона затрещала под его весом. Не имея опоры под ногами, он не мог подняться на нужную высоту. Тогда Сергей решил просто свеситься вниз и перевалиться через подоконник. Цепляясь руками за гладкий пластик, он нагнулся...

Только теперь, высунувшись так далеко на улицу и вися над темной семиэтажной пропастью, он понял, что находится в шаге от самого страшного. Голова закружилась, Сергей в ужасе отпрянул от окна и резко захлопнул его. Страх сделал ватным его тело, заглушив на время все остальные чувства. Едва переставляя ноги, он вернулся в комнату.

Перед ним стояла Надя.

— У тебя было не заперто... Если хочешь — я уйду.

— Нет! — почти крикнул Сергей. — Подожди...

Он сделал шаг вперед. Затем еще один.

— Прости меня.

И упал ей в ноги. Надя этого не ожидала, поэтому сначала отступила. Потом опустилась на колени, обняла Сергея — и почувствовала, что он тоже крепко прижимает ее к себе.

— Прости! Я самый жалкий человек...

— Ты все сделал правильно. Ты не мог иначе.

Слез уже не осталось, поэтому Сергей просто часто, отрывисто вздыхал.

— Я всех подвел. От меня одни проблемы.

— Ты победил! Бокаров сядет в тюрьму. Оттуда он тебя не достанет.

Лицо Нади в темной комнате казалось загадочным и непривычно выразительным, как будто она только в таких обстоятельствах обретала свой настоящий облик.

— Пусть победил, но какой ценой... Как мне дальше жить?

— Вернешься в гимназию. Никто тебе больше слова поперек не скажет.

Сергей замотал головой:

— После такого не возвращаются! Я теперь вообще не смогу преподавать.

— Не говори глупостей! Это твое призвание. Ведь ты к этому столько шел! Сам постоянно мне об этом говорил.

— Когда?

Надя широко улыбнулась:

— В автобусе.

— Такие, как я, недостойны работать с детьми. Чему я их научу?

Поглаживая Сергея по холодным взъерошенным волосам, Надя сказала:

— Должен же быть человек, который честно выставит им оценки.

Сергей хрипло рассмеялся. Он вдруг понял очень важную вещь, но не смог бы выразить ее словами. Даже хороший учитель не в состоянии объяснить все. Есть вещи, которые можно только почувствовать, пережить, выстрадать — и увидеть по-новому. Тогда то, что казалось блеклым, невзрачным и будничным, вдруг обернется богатством, ради которого стоит жить.

Сергей закрыл глаза и поцеловал Надю в сухие губы.

* * *

Город мало-помалу вырывался из снежных оков. Яркое солнце уже ощутимо грело, на улицах исторического центра расплзлись широкие лужи, с крыш старых, еще дореволюционных зданий без конца капала талая вода. Ручьи по обочинам дорог текли под гору, затопляя по пути дворы, скверы и подземные переходы. Все машины были замызганные, в грязных разводах. Пешеходы подворачивали брюки, чтобы не запачкать их по дороге на работу. Птицы громко щебетали, прыгая по веткам, на которых только что раскрылись первые почки. В воздухе витал забытый за долгие холодные месяцы аромат прелой земли и ранней, еще совсем молодой травы. В город пришла весна.

Трехэтажное здание гимназии стояло в окружении высоченных вековых елей. Через парадный вход в него толпами вливались ученики и разбегались по этажам, жизнерадостно голося. Их родители, запрудив своими дорогими автомобилями проезжую часть рядом с гимназией, возмущенно сигналили друг другу и громко ругались. Эти гудки и вопли, впрочем, казались такими же естественными, как пение птиц.

Сергей шел по коридору гимназии немного быстрее обычного. Он опаздывал, но окружающие об этом не догадывались. Просто он всегда старался приходить за пятнадцать минут до урока, а сегодня будет точно ко времени.

Звонок застал его на подходе к кабинету. Электрическое гудение из динамиков эхом разбредалось по школьным закоулкам.

Сергей распахнул широкую дубовую дверь.

Класс, чуть помедлив, встал. Двенадцать человек смотрели на учителя, ожидая дежурного приветствия.

— Good morning, children!*

— Гуд морнинг! — вразнобой ответили ученики и грохнулись на стулья.

* Доброе утро, дети! (англ.)